

КАРИНА ДЕМИНА

КОММУНАЛКА 2: **БЛИЗКИЕ ЛЮДИ**

Коммуналка

Карина Демина

Коммуналка 2. Близкие люди

«Автор»

2021

Демина К.

Коммуналка 2. Близкие люди / К. Демина — «Автор»,
2021 — (Коммуналка)

Жизнь в обыкновенной коммунальной квартире идет своим чередом. Кто-то ссорится, кто-то мирится, кто-то строит планы на будущее, а кто-то пытается вычислить опасную нежить, что притворяется человеком. И диве Астре не остается ничего, кроме как помогать, надеясь заодно, что потом, когда охота на мертвеца завершится, все станет, как прежде. Или нет?

© Демина К., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Карина Демина

Коммуналка 2. Близкие люди

Глава 1

Святослав пошел следом, потому как не понравилась ему идея оставлять диву наедине с Савожицкой. Пусть ведьма была старой и опытной, но при всем том она все же оставалась ведьмой. А с них станется голову заморочить.

– Не стоит, – сказала Аннушка, когда Святослав уже решился было открыть дверь. – Не надо мешать наставнице. Она... не повредит диве.

– Так уверены?

Она стояла у лестницы, опираясь на нее обеими руками, выгнувшись так, что будь Святослав менее опытным, подумал бы... нехорошо.

– Уверена, – Аннушка мурлыкнула и, намотав светлый локон на палец, потянула его, запрокинула голову, провела языком по губам. – Она давно... собиралась познакомиться. Все говорит, что ведьмы слабеют стали, потому как дивный народ почти истребили. А не станет их вовсе, то и мы исчезнем... и вы... и будет мир бессильным. Как в таком жить?

Она оттолкнулась от перил, выпрямляясь, принимая другую позу, тоже вполне себе определенного свойства. Интересно, многим уже голову задурила?

– А дети где? – поинтересовался Святослав.

– Дети? – в ведьминых очах, темных, что спелая вишня, мелькнула тень разочарования. Но не стоило надеяться, что Аннушка отступит. Ведьмы порой проявляли редкостное упрямство. Что ж... – Дети заняты... играют.

– Где?

– Там, – она указала вниз. – Они там... а мы здесь... только мы вдвоем.

Она подходила медленно, притом умудряясь покачивать бедрами, изгибаться, будто в танце. И стало жарко... так жарко, что Святослав позволил себе засмотреться на эту... ведьму.

Как ее еще назвать?

И она, почуяв близость добычи, растянула в улыбке полные губы.

– Мы ведь можем заняться чем-нибудь... интересным... например... поговорить, – голос ее сделался низок, и прорезалась в нем характерная хрипотца.

А тонкая ручка легла на плечо, примеряясь, как половчей обнять.

Святослав позволил.

Вот только вторую руку перехватил, поднес пальцы к губам. Ведьма засмеялась и... что ж, молодая, неопытная, учить ее и учить.

– Тебе что велено было? – спросил он, зацепившись за взгляд.

Вцепившись в него.

Продавив и дар, и разум. Он не пытался больше скрывать свою силу, но напротив, позволил ей раскрыться, сковать ведьму. Та дернулась было и...

– Тебе было велено за детьми приглядывать, так?

Он не позволил ей отпрянуть.

А вот руку с плеча убрал, так, что она почувствовала, каково это, когда собственное тело подчиняется чужой воле. И страх сменился паникой. И она закричала бы, позвала бы на помощь, если бы могла.

– А ты что? Мало того, что не в свои дела лезешь, так еще и ведьмины чары применяешь? Без моего, к слову, согласия.

Она только моргнула. И поняв, что позволено ей будет ответить, сказала:

– Я... нечаянно.

– Еще скажи, что не понимала, что делаешь, – Святослав ткнул в лоб. – Или не способна контролировать. Если не способна, не справляешься, тогда придется дар ограничить.

Ведьма побелела.

И не то чтобы ограничительные браслеты могли повредить. Не ведьме.

Не взрослой ведьме.

Скорее, дело в самом факте их применения.

– Н-е н-надо...

– Думаешь? – Святослав позволил себе толику сомнений. – А мне кажется, что надо. Что ты со своими играми... ведь играешь, так?

Она только моргнула.

И из левого глаза слезинка выкатилась. Надо же, какая упертая ведьма.

– Не подействует. А будешь и дальше выкобениваться, точно жалобу подам, – предупредил Святослав. – Ты же не думаешь о последствиях. О том, чем твои игры закончиться могут. Скольким уже головы задурила?

Молчание.

– Я спрашиваю...

– И я тоже, – присоединился к просьбе тихий вкрадчивый голос. – Ну-ка, Аннушка, мне казалось, в тебе побольше ума, чем у Ниночки...

– Они сами!

– Сколько? – Святослав слегка надавил, и ведьмочка застонала. Жалобно. Только вот не помогло. Сожаления она не испытывала, как и раскаяния, одно лишь раздражение и огнюдь не на себя, на Святослава, на наставницу, на всех вокруг.

– Я жду.

– Д-двое... они сами... они... смотрели... хотели... я просто...

– Семейные?

– Д-двое...

Святослав кивнул и покосился на Савожицкую, которая позволила себе быть наблюдателем. Сама она выглядела усталой и, пожалуй, разочарованной.

– Уже собрались уходить? – уточнила она, постукивая карандашом по раскрытой ладони. – Или еще не дошло?

– Д-да... об-бещал... жениться. Обещали.

Слезы на глазах высохли.

– И ты бы пошла замуж? – поинтересовалась Савожицкая. – Нет, спрошу иначе. Кто?

– Ам-мельянов. И Сухоцкий. Из народного театра.

– Театр... да... помню... Амелянов у нас из простых, слесарь шестого разряда. На редкость рукастый человек. С женой своей двадцать лет прожил. Сколько у него детей? Трое? Осталось, было-то больше, но война... зато внуки пошли. Будет тебе кого понянчить, когда замуж пойдешь.

– Я? – вот теперь ужас ведьмы был настоящим.

Кажется, перспектива выходить за упомянутого Амелянова ее нисколько не вдохновляла.

– А что ты думаешь? За дела и отвечать надобно. Вот думаешь, что супруга его просто слезою умоется? К слову, я ее знаю. Нина Харитоновна, между прочим, женщина серьезная. Парторг на заводе. Не подумала, нет? И стало быть, развод она мужу, конечно, даст... кто ж не даст, но сперва по партийной линии вызовет и его, и тебя, чтоб ты, стало быть, рассказала, почему это вздумала семью рушить. Между прочим, ячейка общества.

Аннушка сглотнула.

А Святослав подумал, что ничего-то о наказаниях не знает.

– С другой стороны у нас кто? Васечка Сухоцкий... конечно, помоложе будет. Ему всего-то двадцать шесть. И детей у него нет. Зато имеется парализованная матушка, за которой пока его жена приглядывает. Но ты же не станешь перекладывать эту работу на постороннюю женщину? Младшенькие опять же... у Васечки семеро братьев и сестер. Меньшому – пять. Ты же помнишь Николашечку? Очень... подвижный мальчик.

– Нет.

– Дорогая моя, о последствиях думать надо. И если еще историю про большую любовь примут, то твое вот баловство... прежде помнишь, что с ведьмами делали? И ведь не из-за проклятий. Проклятия, если подумать, это пустяки. А вот то, что творишь ты и тебе подобные дуры, людей злит. Мне же этого не нужно.

Она обошла застывшую Аннушку, которой Святослав вернул способность двигаться. Вот только та не смела. Съежилась.

– Так что выбор у тебя невелик. Или замуж за человека, которому ты голову заморочила, притом что замужем этим пробудешь лет этак десять, чтоб ни у кого и тени сомнений не возникло, что сделанное сделано из великой любви.

– Я... я больше не буду.

– Конечно, не будешь. Ты будешь мужем заниматься. Семей. Сделаешь все, чтобы счастливы были.

– Или...

– Или браслеты. Но тогда все узнают, что ты, дорогая, оказалась одновременно и глупа, и неосторожна, а то и вовсе неспособна дар контролировать.

И знание это крепко помешает Аннушке занять более-менее приличное место в и без того запутанной ведьминской иерархии.

– Времени тебе до вечера... думай. Придумаешь, как выпутаться, чтобы все довольны остались, твое счастье. А нет... справку о беременности я тебе выправлю. Только, – губы Савожицкая растянулись. – И рожать придется, а то ведь вдруг да подумают, что обманываешь?

– Я...

– Вон пошла, – это прозвучало отстраненно и холодно. А ведьма повернулась к ученице спиной и сказала: – Прошу прощения, что вам пришлось возиться с нею. Говоря по правде, понадеялась на ее благоразумие. До сего момента Аннушка была на редкость благоразумна.

– Где Астра?

– Там, – она указала на коридор, но тотчас подхватила Святослава под руку. – Ей нужно время разобраться. Успокоиться. Поверьте, так будет лучше для всех.

И Святослав поверил.

– А мы пока с вами побеседуем.

– Мне нужно проверить, что с детьми.

– А что с ними? Тут они... – она прислушалась, махнула рукой и кивнула. – Тут... в моем месте силы без моего согласия ничего-то серьезного не случится.

– А приворот – это несерьезно, стало быть?

– Помилуйте, какой приворот. Так, мелкие девичьи пакости. Вот увидите, сообразит, как выпутаться.

– А если нет?

– Тогда замуж пойдет. Или браслеты. Но думаю, что замуж... напоят о большой любви, а там как-нибудь да справится.

– И вы не станете помогать?

– Зачем? Это тоже урок. Да и ни к чему мне дура. С такой-то силой дурость опасна. И для нее, и для меня, и для всех...

На всех ведьме было глубоко плевать. А вот факт, что глупышка, с собственной силой не справившаяся, и ее под удар подвести могла, дело иное. Партия, она ведь разбираться не станет, отчего так получилось.

Сперва внушение.

Потом выговор.

А там и места лишиться можно, не говоря уже о партбилете. Исключат за недоработки и недостаточный контроль, а то и вовсе на учет поставят, как потенциально чуждый элемент. Нет, этого Савожицкая не простит. И даже если выкрутится Аннушка, в чем Святослав тоже почти не сомневался, все одно не видать ей старшее не стать.

Не в этом городе.

Впрочем, мысли свои Святослав при себе оставил.

– Прошу, – Савожицкая открыла дверь. – Конечно, не кабинет, но поговорить можно. У вас ведь вопросы, верно?

Тесная комнатуха.

Пыльная.

С одной стороны стену затягивает полотнище, некогда алое, но выцветшее, пошедшее пятнами. С другой – плакаты наслаиваются этакой чешуей.

Старые.

«Ведьма! Вари зелье по ГОСТу!»

«Магию на службу крестьянам!»

«Огненная сила – заводам!»

Взгляд Святослава скользил по поблекшим фразам, которые когда-то да в душе отзывались, а теперь вот и рисунки эти, простые, схематические, и сами призывы казались излишне пафосными. Надо же...

– Прошу прощения, здесь мы обычно храним то, что не слишком нужно, но пока списать не выходит. Завхоз у нас весьма... дотошный, – ведьма осторожно опустилась на грубый табурет. – Подземной крови в нем четверть, вот и сказывается...

«Люди – не рабы! Равные права малым народам!»

«Долой драконье семя!»

И рисованный алый дракон корчится на пиках крошечных людишек. Даже здесь, на плакате, рисунок кажется нелепым, понятно, что дракон силен, что стоит ему дыхнуть пламенем, и людишек не станет.

– Вы храните это место, – Святослав прикоснулся к плакату, поняв вдруг, что показалось ему странным: отсутствие пыли. И на плакатах, и на мебели, включая огромное старое зеркало, перечеркнутое трещиной. – Зачем?

– Не знаю... может, чтобы помнить, как все было? – она не стала отнекиваться, уверять, что просто он, Святослав, все неверно понял.

– Мне казалось, что у ведьм и без того неплохая память.

– Неплохая, но... у тех, кто помнит тот мир. А нынешние... возьмите Аннушку. Ведь на самом деле неглупая девочка. Я бы с глупой связываться не стала. Нет. Она и умна... отличница. И комсомолка уже, хотя сами понимаете, что в ее возрасте не так просто решить вопрос. Но она сумела. И рекомендации мне принесла. Я и подумала, что, возможно, мне повезло... не представляете, до чего с ними сложно!

– Сочувствую.

«Выжжем драконью кровь дотла!»

Черно-белые и черно-красные цвета. Рисунки нарочито примитивные, но больше этот примитивизм не кажется пафосным.

– Ведьмы всегда были детьми природы. А какие в природе запреты? И приходится раз за разом напоминать, уговаривать, просить... а вот если бы помнили они, как было раньше, когда за любой оговор можно было печать на лоб получить.

Она потеряла переносицу.

– Ваша матушка получила?

– Увы... соседка оговорила, будто бы матушка у нее мужа увести желает. А матушка замужем была. И сама выбрала. А мы, когда уж выбираем сами, то... ведьмы, конечно, страстные по натуре, но это в молодости. Потом уж страсть утихает, и ценить начинаем совсем иное. Вот... разбираться и не стали. Донос отправили в жандармерию, оттуда в суд. И получила... печать.

Савожицкая отвернулась к зеркалу.

– Я помню ее. Она была красивой женщиной. И там, где мы жили... днем люди нас сторожились, а ночью пробирались огородами, скреблись, просились помочь. А на следующее утро же вновь плевали вслед... Отец-то потом, после того как печать появилась, ушел... я его и не помню, мы уже потом, после родили. А он сказал, что приворожен был, хотя ни одна ведьма в здравом уме не станет.

– Так уж и не станет?

– В здравом уме, – уточнила Савожицкая. – Что за радость с замороженным человеком жить? Это сперва-то кажется, будто такая любовь настоящая, а потом-то понятно становится, что рядом с тобой и не человек даже, а... не важно.

Важно.

И, верно, имелся у нее неудачный опыт. Да только дела Святославу до этих вот тайн не было.

– Сестрица моя старшая от дара отказалась. Муженек настоял. Мол, или так, или не женюсь... скотина. Я ей говорила, что не нужно, что мир-то поменялся, что и клейма больше никому не ставят, только там, на деревне, многое по-прежнему осталось. Вот она добровольно и отреклась, отрезала... и чем все закончилось?

Как Святослав предполагал, ничем хорошим.

– Ниночка слабосилком появилась. Но хоть появилась. Кроме Ниночки-то... она старалась, мальчика родить хотела, да не смогла. Сошла в могилу, а этот... скот женился, почитай, сразу. Негоже мужчине одному быть. Я Ниночку к себе и забрала, да... у меня-то иное, занималась по молодости всяким... непотребным, вот и стала пустоцветом.

– Мертвое ведьмовство? – осторожно предположил Святослав.

«Магия – людям!»

Рисованные люди стояли, взявшись за руки и подняв эти руки над головой, а еще выше над ними переливалась алым рисованная же корона огня, должно быть, зримо воплощавшая магию.

– Оно самое, – щека Савожицкая дернулась. – Молодая была... ушла из дома сразу после Иринкиной свадьбы, когда заметила, что благоверный ее на меня поглядывает. Поняла, чем оно рано или поздно закончится. Тогда-то, пожалуй, впервые силу и использовала... мы же крестьянами числились, беспаспортными были. Вот я нашего участкового и окрутила, чтобы он мой паспорт у председателя колхоза забрал. Правда, пришлось рассчитываться, он-то тоже мужик опытный, а я что? Пятнадцать лет и слабосилок... в паспорте-то другой возраст указали, чтоб, значит, взрослой числилась. Ну да на него зла не держу, сговорились, почитай, по добром. Он и с документами помог, и денег с собой дал, три рубля, чтоб пешком не шла. И совет поступать на курсы.

«Долой клеймо! Свободу ведьмам!»

«Советская ведьма не враг народу, но служит ему!»

«Покупайте зелья в Госснабведьмторге».

– Я прислушалась, хотя... время было все одно смутное, – она провела ладонью по неровной поверхности бумаги. – Пришлось... выживать. И не только мне. Все это красиво на словах, но словами людей не переломишь. Сколько всего я выслушала...

Рисованная ведьма счастливо улыбалась, протягивая руку с зажатой в ней колбой, от которой исходил свет. Выглядело, говоря по правде, пугающе. Но куда менее пугающе, чем черная фигура мага, протянувшего руки к полю, и даже яркая ядовитая зелень пробивающихся ростков – на пшеницу они походили менее всего – не умаляла общего пугающего впечатления.

– В городе я и поняла, что слабосилок. Я-то думала, что развернусь, а вышло... пришлось подрабатывать и не всегда законно. Одного раза и попалась. И... – она тихонько вздохнула, коснулась белой шеи, на которой вдруг проступило едва заметное пятнышко. Ожог? Тот, который ни одно зелье не сведет. – И остаться бы мне вовсе без головы, но снова повезло... заступился за меня один человек, со связями, а взамен попросил, чтобы один ритуал провела.

– Запретный?

«Одаренный! Силой и знанием крепи обороноспособность страны! Враг не дремлет!»

– Само собой. Если бы не запретный, он нашел бы кого более умелого.

Глава 2

– И чего он хотел?

Вопрос пустой, но ей нужно, чтобы кто-то его задал. Когда спрашивают, говорить легче.

– Помощи... его ребенок был болен. Настолько, что и дивы отступились, сказав, что тело уже мертво, что держать в нем душу и дальше – преступление. Тот человек не был плохим. Одиноким. Запутавшимся. Но не плохим. Должно быть, потому я и согласилась, что... я была молодой и не знала, насколько опасной может быть жалость. А мне стало жаль и его, потерявшего в этом новом мире все, и себя. Может, я даже слегка влюбилась. Может, меня влюбили, посчитав, что будет лучше, если обряд исполнит женщина, которая не просто обязана чем-то... сейчас, оглядываясь, мне сложно сказать, что и вправду было первично.

– Сколько было ребенку?

– Не знаю. Я... не думаю, что он ребенок, в том смысле, что маленький, – она потерла раскрытой ладонью лоб. – Тот мужчина... тогда он мне казался старым. Не настолько, чтобы не влюбиться, но... сейчас я понимаю, что ему было за тридцать. Да и маг. Вы медленней живете. Так что он вполне мог иметь взрослого сына. Или дочь.

– То есть, вы ребенка не видели?

– Нет. В этом не было нужды. Он принес кровь и волосы.

– Светлые? Темные?

– Русые. Но... нет, не темные. Да, пожалуй, русые. Мне не позволено было прикоснуться. Он сказал, что я должна лишь провести обряд. Он сам расчертил поляну. Думаю, он был одаренным и весьма неслабым, но у вас сила иная, она не способна обратиться к той, к мертвой стороне. А наша... на беду с жизнью связана. Мне только и надо было, что прочесть заклятье.

«Проверяйте ваших детей! Одаренный ребенок – счастье в семье!»

И улыбающаяся мать поднимает к небу младенца, от которого вновь же исходит свет. А сама она чем-то похожа на ведьму из соседнего плаката.

– И вы согласились?

И вновь же, очевидно, что согласилась она, иначе не отвела бы взгляда. Но Святославу необходимо подтверждение, и Савожицкая подтверждает.

– Да, – она сказала это, найдя в себе силы посмотреть в глаза. А ведь могла бы не признаваться. Срока давности за подобное нет, как и оправданий. Слишком серьезно все, слишком... опасно.

– Жертвы?

– Он сам... я же говорю, я была проводником и только.

– И кто...

– Он, – ведьма криво усмехнулась. – Он был хорошим человеком. Наверное. И не смог иначе. Я... начала ритуал. Он стоял. Смотрел. Слушал. Он был в центре... я... честно, в тот момент мне в голову не пришло, что это странно, начинать ритуал без жертвы. Я только и думала, что не хочу никого убивать. Он сказал, что и не придется, что у него есть камни... драконьи камни и драконья кровь. Этого хватит, чтобы получилось. Я и поверила. Я... все-таки о мертвом ведьмовстве я только там и слышала. Это уже потом стала разбираться со всем... тогда же...

Она провела ладонями по лицу, стирая прежнее слегка надменное выражение. И Святослав увидел перед собой просто уставшую женщину с некрасивым лицом.

– С самого начала все пошло не так. Сила... обычно она отзывается легко, идет, подчиняется, и надо лишь направить ее. А тут было ощущение, что мне приходится тянуть нечто невероятно тяжелое, да еще и темное, дурное. И хотелось бросить, но он сказал, что если я

брошу, то мне не жить. И я поверила. Ритуал, коли начался, должен быть завершен. И я сосредоточилась, чтобы не выпустить это. И не впустить в себя. Тогда-то я и начала понимать, что запреты порой нужны.

Судорожный вздох сотряс худое тело.

– А когда сил моих почти не осталось, он подошел ко мне, взял нож, просто вытащил... я уже и пошевелиться не могла. Он же сказал, помню это, вот как сейчас, сказал... прости, но у меня выхода нет другого... и себя по горлу. Резко так... – Савожицкая содрогнулась.

Святослав же стиснул зубы.

Добровольная жертва?

Что писали про добровольные жертвы? Мало, ибо мертвое ведьмовство, запрещенное при драконах, и новая власть не одобрила. А потому и все, что с ним связано, так и осталось тайной. Но, верно, не всякую тайну сберечь можно.

– Когда я очнулась, он был уже мертв. Я... мы... лежали оба, на земле. В крови. В... тот листок, который у него остался, с заклатьем и описанием обряда, я сожгла. Прямо там и сожгла. И ушла. Мне было плохо... так плохо... помню, думала, что сама умру. И даже радовалась этому.

– Но выжили.

– Выжила... меня нашла ведьма, из числа старых. Как уж ругала... в жизни никто так не ругал. А потом и объяснила, что я наделала.

– И что же?

– Мертвому не место среди живых. Да, душа останется, но... болеет ведь не только тело. Это как... вот бывает, что просто царапина, о ней забыть бы и все, но пройдет день-другой, и эта царапина загноится, а там гной и внутрь перейдет, разнесется по крови. Так и с душой. Кем бы ни был тот, кого силой задержали среди живых, но рано или поздно он обратится в тварь. И тварь эта уже не сохранит в себе ничего-то человеческого. Нет, память останется с нею, знания. Тело, которое не стареет, не болеет и вовсе никогда-то не умрет, но в теле этом не будет души.

Перспектива вырисовывалась в крайней степени невеселая.

– Она пыталась найти... они все, полным кругом... были среди них и те, кто говорил, что не след меня вытаскивать, что, раз виновата, то и уйти должна. Но Агриппина крепко своих ведьм держала. И всем-то выговорила тогда, помню, что развели вольницу, позабыли, каково это под вечным страхом жить, разбежались и наплевали на долг свой. Что таких как я, молодых и глупых, хватает. И не дело это, когда учить их некому. Вот и... круг со мною силой поделится. Выходили. Но... заплатить все одно пришлось.

Она положила ладонь на живот.

– А тот ребенок...

– Не нашли, – ведьма покачала головой. – Искали хорошо. Агриппина всех вызвала, до кого дотянулась только... мелкою гребеночкой по городу прошлись, едва ли не каждого человека проверили.

Святослав поверил.

– Он ведь не просто так живет. Он мир меняет. Там, где асверы свои лаборатории ставили... тоже нашли, с чем связываться, – Савожицкую перекосило. – Мир переменялся. Перекроился. И не скоро еще станет таким, как прежде. Потому и закрыли эти земли. И если ума хватит, то в ближайшую сотню лет не откроют. Да...

– Почему вы не уехали? Обряд ведь здесь проводили?

– Да, – она покачнулась и табурет застонал. – Думаю, вы знаете, где...

– Пустошь на берегу?

– Она самая. Тогда еще дом стоял, но его сожгли, развалили. А не уехала... не могу. Часть меня осталась к этому берегу привязана. И к дому. И...

Святослав почувствовал себя идиотом.

– Ингвар ваш след взял, верно?

– Да.

– И зачем вы туда ходили?

– Я каждый месяц бываю. Сколько живу... приглядываю. Он ведь тоже не свободен, неживой и немертвый. Пусть свободнее меня, уйти способен, да только и не вернуться, когда сила иссякнет, не сможет. Первый раз он перед самой войной появился.

Она провела руками по плечам, будто вдруг холодно стало ей.

– Я... тогда уже почти поверила, что времени прошло изрядно, что сгинул он... наивная. Убить неживое сложно, поскольку оно уже мертво. В ту ночь мне вновь стало дурно, как никогда прежде. Я сперва даже решила, что прокляли... были тут... проблемы. Но потом, под утро уже, когда отпускать стало, когда боль почти стихла, я сообразила, что к чему. Бросилась к берегу, да поздно.

– Что нашли?

– В том и дело, что ничего. Поляну. Следы костерка, да и только. Ни крови, ни... лишь ощущение, что обряд проведен был, но какой? Я, конечно, искала... книги, записи... слухи даже собирала, пытаюсь понять, что за обряд-то был мною проведен и сейчас тоже, но нет... слишком уж опасная тема. Если что и имелось, то не здесь.

Савожицкая покачала головой.

– Также искать стала... не только я неладное ощутила, но и те из старых, кто еще жив был. Агриппина тогда только-только отошла, назвала меня наследницей, будто я просила. Я говорила ей, что где мне старшей быть после такого? А она ответила, что только мне и быть, что я на своей шкуре прочувствовала, каково это... и чем платить тоже прочувствовала. Вот и буду блюсти порядок лучше, чем кто бы то ни было.

И верно оказалась права, если в этом городе на ведьм жалоб почти и не поступало.

– Искали мы хорошо, но... нашли лишь мертвую ведьмочку, да не там, на поляне, на пустыре за городом лежала. Не из наших, – она покусала бледные губы. – Приезжая. Думаю, он ее нашел и уговорил помочь. Заморочил голову, а там и выпил досуха. Думаю, что даже она не первая, что чем-то он кормился. Ведьминская же сила для того весьма даже подходит.

– Дальше, – велел Святослав.

– Дальше... а дальше началась война. И стало не до того. Ведьмы в первую волну мобилизации попали, как и вообще одаренные.

Она повернулась к плакату относительно новому, не растерявшему красок. И уставилась на него немигающим ненавидящим взглядом.

– Многих забрали. Меня... оставили. Велели организовать приюты, помогать иммиграции. В тылу тоже хватало работы. Но я бы пошла... у меня ученицы имелись, хорошие девочки... я бы вместо них пошла. И готова была...

Не взяли.

Мобилизация мобилизацией, но сил у Савожицкой было и вправду немного, а вот опыта и авторитета аккурат хватило бы, чтобы за городом приглядеть.

И справилась.

– Пару недель тому мне стало дурно... не так, как в тот раз, просто ощущение такое, будто... просыпаешься, а все серым серо. И шевелиться не хочется, и ничего-то не хочется, даже дышать. Я и перестала. И почти задохнулась, а когда тело само стало дышать, то почувствовала глубочайшее разочарование. И зависть. К себе. Тогда-то и поняла, что мое проклятие вернулось.

– Но никому не сказали?

– А кому? В милицию отправиться с заявлением на саму себя? Чтобы и меня под суд, и всех моих девочек? Ведьм тоже не так много осталось... прежде на учете пять тысяч триста стояли, и только в этом городишке, а после войны... их ведь вырезали, и не только. Асверы

за одаренными охотились, а уж коли к ним попал, то назад не вернешься. У людей еще шанс был, а вот если хоть каплю силы увидят, то...

Святослав склонил голову, заставляя себя дышать.

– Помочь? – предложила ведьма.

– Нет.

– Плен?

– Зачистка... по лагерям экспериментальным... когда поняли, что там... блокировали и вызвали наших, кто уцелел. В срочном порядке. Пытались понять, кто еще... в разуме.

Ведьма кивнула.

– Приходи ко мне, когда все закончится. Не всякую память сохранять надо, а сам не избавишься.

– Не уверен, что мне вовсе можно избавляться.

– Избавляться, пожалуй, что нет, но вот приглушить, спрятать я помогу. И пережить тоже. Ведьмы, особенно молодые, горячи, оттого часто попадались. Кого вывозили из оккупационной зоны, кого отлавливали, кого... находились дурочки, которые верили листовкам, сами уходили, думали, что там, при асверском порядке, когда одаренные над всеми стоят, им заживется счастливо.

Святослав отвернулся к зеркалу. Плохая идея. На него смотрел страшный человек со взъерошенными волосами, осунувшимся зеленоватым лицом, за спиной которого мерещились тени.

И если прислушаться, можно будет услышать шепот.

Голоса.

Тех, кто уже не человек, но еще и не нежить. Пока не нежить, пусть процесс и запущен.

– Сейчас ведьм осталось чуть более трех сотен, большей частью слабенькие, но хоть что-то. Я приглядываю, ищу... кружки эти вот открыла, чтоб дети шли. Вдруг да повезет наткнуться. Мы и по школам ходим, по садам, но тоже... ведьм до сих пор боятся. Порой детей даже прячут, чтоб не приведите боги дар не открылся. Не понимают, что ему, запертому, плохо. И человеку тоже. За тот год мы таких, спрятанных, восемнадцать выявили. Две даже весьма одаренные.

– Вроде Аннушки? – не удержался Святослав.

– Вроде... ведьмина натура, что поделаешь. Так вот... я ощутила дурноту, которая то проходила, то возвращалась, и поняла, что он здесь. И что я должна его остановить. Но как? Я пыталась сама... потому и пошла к... нашему месту, но там ничего, только Осляпкин наш опять тещу звал. Странно даже, как он вообще это место отыскал, я закрыла его от людей.

...теперь понятно, отчего развалины развалинами остались, отчего не нашлось желающих занять освободившееся и весьма себе удобное местечко близ реки.

– Ничего серьезного, просто пелена. Обычный человек и не почувствует.

Святослав кивнул.

Так и есть, и необычный не почувствовал.

– Своих я тоже предупредила, но... понимаете, ощущение такое, что он не просто вернулся, что он не один... та молоденькая ведьмочка... раньше особо учета не было. Да, положено было регистрироваться, а там уже уговаривали на курсы пойти. И кто откажется? Никто и не отказывался. Такой шанс из деревни уехать, а там и работа чистая, и положение. И уважать нас стали потихоньку.

Савожицкая поднялась.

– Сам он обряд совершить не способен. Выпить жертву досуха – это да, но вот чтобы так... как сейчас... я ждала на том месте, поставила... петлю. Если бы кто там умер, я бы услышала.

Умер.

Только не там.

Вот ведь, одно к одному складывается.

– Я думаю, что он нашел кого-то. Вот такую молоденькую глупышку, как Анна... хотя... она не глупая, просто самоуверенная. Все-то они, почти взрослые, думают, будто бы умнее, будто бы лучше прочих знают жизнь. И что страхи наши пустое, что если потихоньку запрет нарушить, никто и не узнает, и вреда-то не будет... да и не думают они о вреде. Ведьмина кровь кипит, особенно весною. Вот он и... нашел, заморочил, уговорил помогать.

Как ни странно, это походило на правду.

– А вчера исчезла Варварушка.

– Это кто?

– Еще одна моя ученица. Хорошая девочка, но как ведьма – слабенькая. Да и не любила она к дару прибегать, но старательная, аккуратная, а главное разумная. Документацию вела. Отчеты писала. Заявки составляла. Никогда-то с нею проблем особых не было, а тут вдруг взяла и ушла. Письмо написала, что к бабушке уезжает.

– Может, действительно к бабушке?

– Бабушка Варвару еще когда дар только-только открылся, прокляла. Из дому вышвырнула. Та топиться хотела, но... благо, мы за девочками приглядываем. Отогрели. Пристроили. Младший секретарь райкома. И на работе ее ценили. Место в общежитии выделили. Она очень этим дорожила. А тут вдруг взяла и... он это.

Савожицкая подошла близко, и оказалось, что женщина эта невысока.

– Я ее пыталась отыскать. В том числе и плат на крови рисовала, только без толку. Закрывалась. Или закрыли... у самой Варвары силенок не хватило бы.

Святослав подавил желание высказаться.

– Я понимаю, что виновата... а еще... Варварушка была осторожной девочкой. И к мужчинам относилась... с некоторым предубеждением.

– А к женщинам?

– Она не из тех. Она... просто ей в жизни очень сильно не везло, поэтому... у нее и подруг-то не было. Но она не подпустила бы близко чужака. Во всяком случае, не сразу. А поскольку она все время, считай, на виду, то... искать надо среди наших. Ей самой с ним познакомиться точно негде.

Глава 3

Леса бывают разные.

Светлые березовые с дрожащею листвой и пушистым подлеском, из которого поднимаются тонкие хлыстины молодых деревьев. Их кора белая, и сам лес полон солнца.

Сосновые, что пахнут живицей, а под ноги стелют ковры из мхов и хвои.

Дубовые, тяжелые и мрачные. Эти выставляют щиты из листьев, заслоняясь от солнца. И то отступает, а потому в дубравах даже в самый ясный день сумрачно, прохладно.

Этот лес был ненастоящим.

Астра точно это знала.

Этот лес существовал лишь в ее голове, потому что не бывает таких вот деревьев, огромных, уходящих куда-то в небо и сквозь небо, со стволами, будто из серебра отлитыми. Вот только металл холоден, а деревья были живыми.

Астра чувствовала исходящее от них тепло.

И...

Она провела ладонью по траве. Тончайшие стебельки скользили по коже, ласкаясь. Пахло медом, летом и земляникой. Вверху медленно плыли облака, пробираясь сквозь частокол серебряных вершин. И было так... хорошо.

Настолько хорошо, что и шевелиться не хотелось, но хотелось остаться здесь навсегда.

Астра поднялась.

Огляделась.

И засмеялась, потому что лес ведь ненастоящий. Он есть, но... где-то там, на изнанке мира, а то и вовсе исключительно в ее воображении. Надо же, какая удивительная у нее фантазия. Лес обиженно зашелестел, зазвенел листвой. И рожденный им ветерок окутал Астру покрывалом золотых искр.

Она вдохнула их.

И выдохнула.

Коснулась ближайшего дерева, замерла, прислушиваясь к тому, как тяжело стучит где-то там, под корой, сердце.

– Здравствуй, – сказала Астра, потому что не сказать этого было невозможно. И пусть лес вымышленный, но... она дома.

Здесь.

И уходить не хочется.

– Когда-нибудь я вернусь, да? – спросила она, пусть и знала, что ответа не получит. – Ты тот самый дом, куда все возвращаются и отдыхают от мира. Правда?

Деревья закачались, и почудилось, что они говорят.

– Я помню, мне рассказывали... теперь уже помню.

...всем детям читают сказки на ночь. И Астра не исключение. Правда, книги не было, но была матушка и ее рассказы, тихий голос, истории о мире, существовавшем в незапамятные времена, еще когда не было ни людей, ни даже драконов.

– И выходит, что все это правда, да?

Искры кружились, подлетали, касались щек.

– Правда... конечно... и поэтому мама говорила, что бояться не надо, что... дорога домой внутри, а я выходит, просто забыла ее. И значит, действительно бояться не надо.

Она замолчала.

– Мама вернулась, да? И отец? И другие...

Астра огляделась. Лес был бесконечен, а деревья походили друг на друга, будто были одним деревом, отраженным множеством зеркал.

– И наверное, сложнее всего не уйти сразу? Может... поэтому у меня и не получалось? – она дошла до следующего. И еще до одного. Искры не отставали. – А если получилось, выходит, я все-таки настоящая дива, так? Настоящая... и если захочу, то останусь здесь. А там? Там... тело, которое просто тело...

Ветер загудел.

Или это деревья заговорили наперебой, кто-то сердито, возмущенно, мол, выдумала глупость... и слышалось в шуме их:

– Рано, рано, рано...

– Я знаю, – Астра запрокинула голову и зажмурилась, до того ярким слепящим было солнце. – Я не собираюсь здесь оставаться. Не сейчас. Наверное, если бы раньше... тогда, когда я одна была. Или потом... я бы не удержалась. А теперь я не могу.

И голос леса изменился, теперь он был ласков, будто утешал.

– У меня Розочка. И вообще... я начинаю думать, что... все не совсем так, как я представляла. Понимаете? Мне казалось, что все вокруг меня ненавидят, потому что я дива.

Лес вздохнул.

– Но ведь это не так, да? Я дива... а Ингвар двуипостасный. Или ведьмы вот еще... они правы, люди разные. И плохие, и хорошие. Всякие.

Качнулись вершины.

– Можно, я просто буду приходить сюда? Я сумею? Или без ведьмы не получится?

Получится.

Теперь Астра точно знала, что, когда бы ни возникло у нее желание, она вернется. И лес примет. Спрячет. Даст защиту. А потом, однажды, когда ей не захочется возвращаться, и место. До тех пор, пока у нее не появится обратное желание...

– Спасибо, – сказала она, осторожно погладив теплую кору. И сделала вдох. – Мне пора... я помочь обещала. Вы ведь знаете, что там творится? Мертвым не место среди живых.

* * *

Лес просто исчез.

Астра закрыла глаза, а открыв, обнаружила, что сидит на старом ковре, местами протертом до дыр. Но дыры не делали его хуже, напротив, они уже сроднились с ковром, став частью сложного его узора. Астра коснулась щек, убеждаясь, что те мокры от слез.

Глаза щипало.

Нос опух.

И дивам положено оставаться прекрасными, это она слышала, как и то, что дивы вообще не плачут, но больше Астра слухам не верила.

Плачут.

Еще как. И сопли у них текут, вот прямо обыкновенные, некрасивые, от которых кончик носа краснеет, да и прочей красоты убавляется. Носом Астра шмыгнула и, убедившись, что в комнате ведьмы никого-то больше нет, вытерла этот нос рукавом.

А ведь учила Серафима Казимировна платком пользоваться. Но платок в пальто остался, а пальто – на вешалке, до которой еще бы добраться. И Астра решила, что добираться надо, поскольку сопли продолжали течь, а рукава все-таки не казенные. Да и стирать платок всяко легче, чем платье.

Голова слегка кружилась.

И поэтому Астра решила добираться на четвереньках.

– Какая, однако, глупость, – проворчала она самой себе. – Я взрослая серьезная женщина, а ползаю тут...

Но вставать было страшновато. Чувствовалось, что где бы ни была душа, тело к ее отсутствию отнеслось без должного понимания. А потому координация оставляла желать лучшего. Едва не запутавшись в руках, Астра тихонько хихикнула.

Взрослая.

Серьезная... видел бы кто... к счастью никто не видел, и до вешалки она добралась. Запрокинула голову, пытаясь понять, сумеет ли до пальто дотянуться, эту самую вешалку не опрокинув. Или все-таки на помощь позвать?

А вот интересно, почему Серафима Казимировна ей этот путь не показала?

Не знала?

Сомнительно. Похоже, что знала она куда больше, чем показывала.

Побоялась, что Астра не устоит перед искушением? Это куда как вероятнее. И потому, верно, зная, чем закончится роман с Эльдаром, ему не препятствовала. Не будь Розочки...

– Все-таки я дура, – почему-то сейчас очень хотелось говорить вслух. Получалось, что она, Астра, будто с кем-то другим беседует. А ведь никогда-то прежде ее на разговоры с кем-то не тянуло. – Точно дура... и слабохарактерная. Я бы ушла сразу же.

Она вздохнула и, вцепившись в гладкую стойку, поднялась.

– Так-то лучше, – Астра облизала пересохшие губы. – Определенно... Или дело в том, что она просто не находила пути? Она ведьмой была, конечно, но ведьмам там не место. Ведьмы... да, ведьмы слышат мир, но не видят. А дивы, получается, видят? Как все запутано.

Астра пожаловалась пальто, которое висело тихонько и в проблемы мироздания влезть не пыталось.

– Но я разберусь.

Прозвучало донельзя грозно.

– Только попою чего-нибудь и сопли вытру. А потом сразу и разберусь, – она вытащила скомканный носовой платок и от души высморкалась. И ведь даже почти изящно получилось, да... а попить... надо ведьму найти, потому как в ведьмином кабинете без ее дозволения лучше ничего-то не пить.

Впрочем, искать не пришлось.

В дверь осторожно постучали, и Астра сказала:

– Заходите.

Ведьма и зашла.

– Чай? – предложила она. – Как самочувствие?

– Отлично, – Астра улыбнулась и попыталась отпустить вешалку, но почувствовала, что предательское тело еще не настолько готово ко встрече с реальным миром, чтобы оставаться без опоры. Астра икнула. – Извините.

– Случается.

А маг, который глядел так хмуро, будто Астра у него кошелек сперла или во всяком случае собиралась спереть, подошел и плечо подставил.

Хорошо.

Опирайтесь на мага куда удобнее, чем на вешалку. Да и горячий он, просто-таки раскаленный от плохо сдерживаемой злости. И злится, что характерно, не на Астру.

Правильно.

Зачем на нее злиться?

– Я будто пьяная, – наконец, ей удалось подобрать правильное слово. А еще она злость забрала. Немного. Уж больно горячей та выглядела, а между тем в комнате прохладно. Маг возражать не стал, поглядел так искоса и потянул Астру к старенькому диванчику, что с трудом, но втиснулся меж пары шкафов. – Это... что-то с энергетическими потоками. Стабилизируется и пройдет.

Ей сунули в руку стакан с водой.

И Астра выпила.

И когда стакан с водой сменился кружкой ведьминого отвара, тоже выпила. Отвар оказался одновременно и сладким, и горьким, в общем, всецело замечательным. Астру же переполняла сила. И сила эта требовала выхода, желательно, немедленного.

– Я тебя полечу, – сказала она магу и, схватив за руку, дернула. – Садись. Мне срочно нужно кого-нибудь полечить...

– Может, лучше генерала?

Вот почему на нее глядят так, скептически. И генералов каких-то подсунуть пытаются. Зачем Астре генерал? Что она с ним делать станет? Нет, генералы ей не нужны, ей и мага довольно. Он вот пряники носит. А мужчина, понимающий, что женщине иногда для счастья именно пряника и не хватает, это ценно.

Наверное, Астра ляпнула это вслух, иначе почему маг покраснел?

Или ему жарко?

Жар Астра уберет... но стоит ли лечить в таком состоянии? Стоит. Это состояние, кажется, прямое следствие избытка силы. И выходит, что... потом, все потом. У нее пальцы дрожали от нетерпения, от желания скорее исправить все неправильности в сидящем перед нею человеке.

И в глаза ему смотреть вовсе даже не обязательно.

И то, что взгляд не отводит... пусть не отводит.

Водит-хороводит.

– Я, пожалуй, пойду проверю, как там дети, – Савожицкая тихонько вышла и дверь закрыла, что характерно, на замок. Пусть дверь не зачарованная, но... и почему у самой Астры щеки красные, будто она не лечит, а... а чего-то не то делает.

Точно красные.

И горят.

Сила это выхода требует. Астра зачерпнула больше, чем удержать способна. Душа, может, дорогу в заповедный лес отыскала, а вот тело прежним осталось, слабеньким.

Ничего.

– Сиди смирно, – велела она, хотя маг даже не пытался шевелиться. Застыл, уставился на нее светлыми своими глазами. И все одно хмурится.

Что он все время хмурится?

Астра коснулась пальцем лба.

– Больно? – уточнила она на всякий случай, потому что молчание стало совершенно невыносимым.

– Нет.

– Будет.

– Знаю, – он почему-то улыбнулся, хотя вот Астра серьезно предупреждала.

А он улыбается.

– Рубашкуними, – Астра сказала это серьезно, а улыбка мага стала еще шире, хотя еще недавно казалось, что шире-то уже некуда. – И спиной повернись.

И... спина у него гладкая.

То есть, не сама спина, на ней, как и положено, позвоночник проступает, ребра, а вот кожа гладкая-гладкая, как камень, водой отполированный.

– Я постараюсь осторожно, – пальцы просто-напросто сводило от избытка силы. – Но... править много что нужно.

...легкие.

Структура их нарушена. И фиброз начался, особенно в левом, где множественные каверны почти полностью известковались. С кавернами Астра ничего-то сделать не может, а

вот ткань изменить она попробует. Никогда бы раньше не рискнула, а теперь она знает, как правильно.

Осторожно.

Без лишней спешки. Сдерживая силу. Пожалуй, именно это сложнее всего – силу сдерживать, которая готова хлынуть в тело исцеляющим потоком. Вот только пациент подобного не переживет.

А он пациент.

И смотреть надо, как на пациента. Астра же видит перед собой загоревшую шею, и плечи тоже загоревшие, но чуть меньше. На них светлый след от майки, и тянет провести когтем по краешку.

Или вот надавить на торчащий позвонок.

Или...

Он закашлялся и попытался подняться, но Астра не разрешила.

– Восстановление – это не всегда приятно, – собственный голос показался совершенно омерзительным. А Святослав кивнул.

Имя у него теплое.

И сам он.

Маг.

Человек. Большею частью, хотя чувствуется та самая опасная огненная кровь. Но пламени слишком мало, чтобы человека сожгло.

Хорошо.

– Потерпи, – попросила она. – Если хочешь, я в сон погружу.

– Не надо, – говорить ему было сложно. – Расскажи.

– О чем?

– Не знаю. О чем тебе самой захочется.

Странная просьба. Ему и вправду интересно? А самой Астре? Она никогда-то толком с людьми не говорила. Разве что с Серафимой Казимировной. Или вот с Эльдаром, который готов был слушать, но теперь об этом вспоминать неприятно. И не получится ли так, что этот маг тоже... обманет?

Выслушает.

Запомнит.

И сделает что-то...

– Однажды Серафима Казимировна принесла мне туфельки. У меня была обувь, ты не подумай. Бабушка никогда не позволяла нам голодать или вот мерзнуть... ведьма же. И обо мне заботилась. Как умела. Я же... я злилась сначала. И на нее, и на всех. И еще боялась. Все время боялась и злилась, и всегда то одного было больше, то другого...

Ткани отзываются, что хорошо. Еще пару лет и процесс стал бы необратим. А может и раньше. Никогда не угадаешь.

Святослав побледнел.

И на шее проступили капли испарины. Можно, конечно, изменить болевой порог, но... Астра не была уверена, что у нее получится так, как надо.

И что потом она сумеет вернуть все на место.

– Первый год я и из комнаты выходила только с нею или когда в квартире никого не было. Однажды два часа маялась, хотела в туалет, но Калерия на кухне закатки ставила. Тогда, кажется, я впервые и выглянула... но не о том. Она принесла туфельки. Темно-зеленые, из гладкой кожи, еще и с бантиками. Такими вот крохотными, – Астра показала, насколько крохотными были те банты. – И платье к ним. Шерстяное. В клеточку. Оно было широким. Мне все платья были широкими, и порой их даже не ушивали. Зимой и удобнее, когда широко, можно под низ кофту натянуть или платок теплый намотать.

...раны затягивались.

Еще несколько дней уйдет на восстановление слизистой. Нужно будет попросить Савожицкую, чтобы легочный сбор составила, с отхаркивающим. Корень солодки подойдет или вот фиалка, но кашель будет сильным, пока легкие не очистятся.

– А тут... она сказала, что мне в школу пора, что война войной, но аттестат нужен. И в школу следует идти красивой. И меня эта мысль захватила. Я ведь никогда-то в школе не была. Сперва дома училась, с мамой. Потом... в приюте я болела постоянно. Война опять же...

Астра замолчала.

– Не приняли? – надсаженным голосом поинтересовался Святослав.

– Отчего же... приняли. В школу. В классе... я собиралась. Не только я... Калерия... принесла сумку. Сама сшила. И тетради нашли. Почти чистые. Перья опять же. Чернильницу...

Астра замолчала.

* * *

...больно было.

Было не просто больно, вернулось то поганое ощущение, словно внутри Святослава костер развели. И теперь он медленно жарился на этом вот костре чужой силы. Подмывало даже встать, отказаться от этакой помощи, честно сказать, что он не выдержит.

Что лучше сдохнуть...

Не лучше.

А пальцы, поглаживавшие шею, как-то так, совершенно небрежно, будто привычно было им чужие шеи гладить, замерли вдруг.

– Я надеялась... не знаю, на что надеялась, – не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как дива нервно пожимает плечами. – Я сразу поняла, насколько чужая им. И... там собрали всех. Разные дети. Разного возраста. Некоторые даже совсем и не дети... были те, кто курил. И смеялся. И... читать не умел. Я умела и хорошо.

Пальцы сместились чуть ниже, делясь со Святославом силой, от чего он с превеликим удовольствием отказался бы.

– Я знала историю. И географию. И оказалось вдруг, что я, если не самая умная, то... почти. К тому же дива. Серафима Казимировна просила меня быть проще, но я не понимала. Как это? Я не могу перестать быть дивой по своему желанию. И не могу притворяться, что чего-то не знаю, если знаю. Притворяться вообще очень сложно. Не понимаю, как люди с этим справляются.

– У них опыт.

– Да...

Она замолчала, и молчание это было болезненным.

– А туфельки?

– Туфельки? – Астра, кажется, удивилась вопросу. – Туфельки были хорошими. Я их всю осень носила, и потом еще весной. И летом пыталась, но нога слишком уж выросла. Они целые. Лежат. Розочке будут, когда подрастет.

Она снова замолчала, но на сей раз ненадолго.

– Мне кажется, что Розочка другая. Она... умеет ладить. И в школе ее примут. Наверное. Надеюсь.

– Примут, – пообещал Святослав, хотя тоже не мог знать наверняка.

И она поняла.

Повторила эхом:

– Примут.

И посерьезнев, добавила:

– Пока закончу, но завтра займусь остальным. Вы ведь...

– Ты.

– Хорошо, – спорить дива не стала. – Ты хотел, чтобы я посмотрела других людей.

– И не только людей... скоро соберутся ведьмы, – расставаться с ее руками категорически не хотелось, но Святослав подавил приступ кашля и поднялся. – Нужно посмотреть, не совершала ли какая-нибудь из них обрядов, которые... совершать не стоит.

Астра кивнула.

И отвернулась, чтобы не смотреть, как он рубашку натягивает. Почему-то было обидно. Вот ведь... глупость. И не желая заострять на этой глупости внимание, Святослав произнес:

– Я нашел ту, с которой все началось, но нам это ничего не даст. Даже архивы поднять вряд ли выйдет, слишком все война перепутала. Я до сих пор не знаю, мужчина нам нужен или женщина.

Горячие пальцы словно невзначай коснулись шеи. Коснулись и отпрянули, оставив каплю обжигающего света. А говорить о деле больше не хотелось.

Вообще говорить больше не хотелось.

И они оба молчали, не глядя друг на друга, хотя... это тоже было неважно, потому что, пусть и лишенный возможности смотреть на нее, Святослав все одно остро ощущал близость дивы.

Женщины.

Женщины и дивы одновременно.

Глава 4

Розочка играла на рояле.

Как играла.

Сидела и время от времени нажимала клавишу, то белую, то черную. Рояль издавал печальный звук, Розочка слушала и нажимала другую. Потом третью.

Машка, устроившись за огромным столом, старательно рисовала. Аннушка вышивала и приглядывала за обеими девочками. И выглядела такой невинной и хрупкой, что был бы Святослав менее опытным, поверил бы.

– А я на кружок записалась! – сказала Розочка, нажав сразу две клавиши. И Святослав поморщился, до того резким показался звук. – Мягкой игрушки.

– И еще шахматный, – уточнила Аннушка. – И выжигания. Кулинарии...

– Разве детям можно? – Астра удивилась.

– Мы подумываем открыть группу для детей, – Савожицкая выглядела именно так, как должна выглядеть старшая ведьма, принимающая дорогих гостей – спокойно, отстраненно и роскошно. – Многим родителям некогда, а дети должны быть под присмотром.

– Вести буду я, – Аннушка лучезарно улыбнулась.

– А ты сможешь? – кажется, у Розочки были некоторые сомнения относительно способностей молодой ведьмы.

– Увидишь, я чудесно готовлю. И ты научишься.

– На дивных морок не действует, – не отрывая взгляда от рисунка, сказала Машка. И тут же смутилась. – Нужно просто, чтобы он не тебя, а жену опять полюбил...

И замолчала.

Святослав же подумал, что большая семья – это не только хорошо, но и несколько беспокойно. Глаза же Аннушки блеснули, похоже, идея пришла ей по душе.

И ведь не смутило, что Машка в голову влезла.

Впрочем, ведьм вообще мало что смутить может.

– Мы тут останемся, – сказала Розочка, отвлекаясь от рояля, но только затем, чтобы, когда Аннушка отвернется, ткнуть в очередную клавишу. Звук вышел до того резким, что у самого Святослава зубы заныли. – Будем играть.

Машка кивнула, подтверждая, что именно играть они и будут.

В игры.

И Савожицкая погладила девочку по голове, осторожно так, но Машка, покосившись, к прикосновению этому отнеслась вполне спокойно.

– Не волнуйтесь, я сама за ними присмотрю... здесь будет интересно. И накормить накормим. Аннушка в самом деле готовить умеет.

Святослав поверил.

* * *

Ехали... на такси.

И Астра не могла отделаться от мысли, что неправильно это, на такси тратиться, когда и ехать не так, чтобы далеко, всего-то до Заречной. Это, если подумать, всего пять остановок на троллейбусе, и еще три на другом, после пересадки.

А он такси.

И оставлять детей с ведьмами тоже неправильно, особенно с той, молоденькой, которая искося поглядывала на Святослава, правда, во взгляде ее был совсем даже не интерес, а будто бы опасение. Хотя с чего бы это? А еще не понятно, почему взгляды эти нервировали Астру.

Какая разница, кто и на кого смотрит?

И как?

В такси пахло ванилью, и запах этот был резким, насыщенным.

Святослав молчал.

Астра тоже молчала.

И совсем не смотрела на него. Даже самую малость не смотрела, разве что исключительно из любопытства, того, которое позволено проявлять целителю. Должна же она была убедиться, что энергетическая структура, ею созданная, держится.

Структура держалась.

И работала.

Хорошо работала. Лучше, чем Астра могла бы ожидать. Слои утолщенного эпителия отмирали, сменяясь новыми, и скоро маг почувствует, что дышать ему стало легче.

Или нет?

Люди плохо чувствуют свое тело.

Но вот рубцы на легких рассосутся. С кавернами же... имелась у Астры одна мысль, если, конечно, маг согласится. А он, как что-то подсказывало, согласится. И значит, задержится.

Ненадолго.

Месяц или два... и это ее радовало? Пожалуй. Не понятно. Совсем ничего не понятно.

– Я хотел бы познакомить тебя со своей семьей, – сказал он вдруг. Астра же покачала головой:

– Они не обрадуются.

– Почему ты так думаешь?

– Я не думаю. Я знаю. Я дива.

– И что?

– И то, что дивы – враги народа, – она сказала то, что слышала сама, не раз и не два. – Тихие убийцы, которым нельзя верить. Никому и никогда.

Она стиснула кулачки.

– Но тебе верят. Этот твой Анатолий Львович. И другие тоже.

– Не пациенты, – Астра подумала и признала, что в чем-то маг прав. Анатолий Львович определенно Астре верил, и потому разрешал ей лечить.

Анна Николаевна опять же.

Другие...

– Знаешь, нас учили, что самая большая ошибка, которую совершают не только маги разума, но вообще все, магам разума как раз-то проще, они больше видят. Так вот, самая большая ошибка состоит в том, что в большинстве своем люди судят о других людях по себе. Храбрый не поверит в трусость друга, честный – в то, что лжецов больше, чем ему кажется, добрый будет искать добро в других. Умный – ум.

– А подлый подлость? – Астре сложно было говорить о людях. Да и вообще говорить. Она отвернулась к окну, за которым проползал серый город, уже подернувшийся лиловым покрывалом сумерек. Осенью темнеет рано, и без солнца становится совсем уж зябко.

А еще страшно.

– Примерно так. Так вот, в большинстве своем люди как раз-то не храбры, не умны, а вот с добротой по-разному... но мы не о ней.

Сумерки всегда начинаются с теней, что становятся гуще, плотнее. И собираясь стаями, они выползают из переулков, растекаются туманными лужами по дорогам и мостовым. А следом, в слабой попытке удержать ночь за границей города, просыпаются фонари.

На окраине их мало.

– Мы вообще о чем? – Астра отвернулась от окна.

– Наверное, о том, что порой проще поверить, чему говорят, чем думать самому.

Она кивнула.

Возможно.

– Но пройдет время и все изменится.

...или нет?

И тогда Астре придется уйти в лес. И мысль об уходе не вызывает отторжения, напротив, в душе ее просыпается что-то такое, радостное, праздничное, предвкушающее.

Нет, нельзя бросать Розочку.

И забирать ее тоже нельзя. Она ведь совсем ребенок. А еще она лучше приспособлена к этому новому странному миру, в котором Астре места нет. И жить ей нравится именно в нем.

– Ты ведь встречал таких, как я? – спросила она, пытаясь отделаться от шелеста призрачной листвы, в котором мерещились голоса. – Раньше?

– Да.

Хорошо, что он не лжет.

– Где?

– На Севере... когда началась война, меня отправили договариваться. Выяснилось вдруг, что врачей не хватает. Впрочем, не хватало, пожалуй, всего, но врачей особенно. Все, кто хоть что-то умел, были призваны, отозваны, направлены. Срочно создавались госпитали, но и они стремительно переполнялись.

Он дернул шеей.

– В первые дни раненых пытались вывозить в тыл, но... опять же не хватало ни поездов, ни мест в них. И люди оставались. А с ними оставались и те, кто... и если из раненых тех первых недель многие потом выжили, многие даже вернулись в строй, то целители... они были одаренными. Асверы же охотились за всеми, в ком имелась хоть капля дара.

Астра не мешала.

Разглядывала.

И не его, но... свою в нем силу, которая обустроилась, прижилась, как приживается росток на старом дереве. Эта сила проросла в плоть, и маг должен был бы ощущать ее. Скорее всего он и ощущал, как нечто чуждое и наверняка неприятное.

Но терпел.

– Не хватало не только целителей. Не хватало в первую очередь тех, кто вообще знал, как все это обустроить. И тогда было решено предложить дивам. Искушение.

– Почему отправили тебя?

Святослав пожал плечами. И показалось, что не ответит. Астра же вопрос повторять не станет. Он ведь не обязан.

– Наверное, потому что я был молодым и искренне верил, что... мир должен стать лучше. Что я сделаю этот мир лучше. Что наши скоро победят, страна возродится, что... я во многое верил. И в то, что предлагаю им шанс на исправление, на искупление. Их ведь даже не на фронт посылают, в госпитали. А они целители.

Астра кивнула.

Даже она... когда она впервые решилась переступить запрет? Там, в госпитале, оставшись одна? Она ведь искренне считала себя бессильной, не способной ни на что, а тут вдруг... мир зазвучал. Или это она услышала его голос. Увидела неправильность в том человеке, что лежал, отвернувшись к стене, и только тихо вздыхал. Почувствовала вдруг его боль и такую обреченность в душе, что... ей стало жаль?

Неправильное слово.

Жалость – это другое. Просто... ее вдруг потянуло к этому человеку. Астра боролась. Честно. Она подходила к палате, останавливалась, нервно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. Она ловила чужие голоса, и чужое дыхание.

И отступала.

И снова возвращалась, пока однажды не решилась переступить порог. То, что звало ее, было сильнее Астры. Оно тянуло ее к этому вот человеку, имя которого Астра не знала.

Не хотела знать.

И не нужно ей было имя, только то красное пятно, будто уголек, спрятанный под кожей. Ей хотелось прикоснуться, погасить...

...что она и сделала.

– Другие... многие из подобных мне были причастны к арестам или судам, к допросам... – Святослав сунул пальцы под воротничок. – Я не знал о допросах. Не знал о том, какими методами они велись и... что допрашивали в том числе и детей. Я... был наивным восторженным идиотом.

Астра фыркнула.

Редкостная самокритичность.

– Потом... позже мне сказали, что я был не первым. Сперва отправили тех, кто более опытен.

– И?

– С ними не стали разговаривать. Нет, наверное, неправильно. Со мной тоже не разговаривали, но что-то там произошло такое, что... и маги разума сходят с ума.

– Дивы не стали бы...

– Не стали, – согласился Святослав как-то чересчур уж поспешно. – Как бы то ни было, дивы были нужны. Им предлагали переезд. Переселение. Воссоединение семей, потом, после войны. И право работать, которого они были лишены. Им даже обещали вернуть паспорта и разрешить селиться в городах. Но...

– Тебе отказали?

Святослав кивнул.

– Какими они были?

Станный вопрос, и тем более странно, что ответ на него Астре нужен, как нужна была та треклятая опухоль, которая вдруг взяла и исчезла, удивив Викентия Антоновича, тогдашнего главврача. Астра потом пряталась и дрожала, думая, что они догадаются.

Обязательно догадаются.

И тогда...

Догадалась лишь бабушка, нашла Астру в подвале, закопавшуюся меж старых одеял, которые, как она теперь понимала, Степановский принес именно для нее. И бабушка не стала ругать, обняла лишь, погладила по голове и сказала:

– Стало быть, очнулась.

И Астра согласилась, что да, наверное, так и есть, что... она бы не прочь вернуться в прежнее состояние, когда не было ей дела ни до людей, ни до их болезней. Только откуда-то пришло понимание: не выйдет.

– Они... другими, – Святослав прикрыл глаза. – Я ехал и чувствовал себя освободителем, человеком, который принесет радость и надежду. А на деле... дурак. Самоуверенный самолюбленный дурак.

Край рта его нервно дернулся.

* * *

Этот разговор следовало бы остановить.

Соврать про тайну государственную. И про невозможность разглашения. Или еще про что-то этакое, что освободит его от необходимости рассказывать.

Да и как рассказать о таком?

Холод.

Тьма.

Забор. Собаки, которые больше похожи на волков. И люди, которые тоже похожи на волков, то ли из-за обындевевших тулупов, то ли сами по себе. Горящие глаза. Дым, что не поднимается к небу, а расстилается рыхлым рваным ковром. Он дерет горло, заставляя делать вдохи глубокие, и тогда мороз проникает внутрь.

Про бараки.

И тех, кто...

Невероятно высокие мужчины и столь же высокие женщины. Они пришли все, кто остался в этом вот лагере, не из уважения, скорее уж из вялого любопытства, из желания посмотреть на глупца, который думает, будто способен что-то дать дивам.

Они слушали его.

И смотрели.

Смотрели и слушали. Вот так, с насмешкой в зеленых глазах, заставляющей остро ощущать свое несовершенство. И уже тогда следовало бы уйти.

Его, Свята, предупреждали ведь.

Начальник лагеря. И другие, которые были по ту сторону забора и чувствовали себя хозяевами. Правда, лишь по ту сторону забора. А здесь, рядом с дивами, они вдруг утрачивали всякую важность, становясь теми, кем и были – ничтожными жалкими существами.

И ни собаки, ни автоматы, ни пулеметы на вышках не способны были изменить этого.

– С ними тяжело, – пожаловался Святославу начальник лагеря, уже потом, в своем свежестроенном доме, пахнувшем древесною стружкой и чужою заемной силой. – Никого-то не слушают... эх...

Он махнул рукой и налил себе водки.

– Но без них хуже... я с Ясенем поговорю, это старший их, да только...

– Неужели они не хотят вернуться? – Святослав и вправду был молод и ничего-то еще не понимал, кроме того, пожалуй, что уж он-то шансом всенепременно бы воспользовался. Так почему дивы не желают? Ведь и делать-то им ничего не надо, кроме того, что они по сути своей делать должны.

– Хотят, не хотят... тут другое... их однажды предали. Они лечили. Помогали. Всем помогали. А их вот ведь... многие не доехали сюда, особенно молодняк... молодняк у них слабый. Я уж... ай, все одно узнаешь, если вдруг, то... чего только не делал, чтоб сберечь. Даже, не поверишь, браслеты снял с тех, что послабше... а чего? Куда им туточки идти? Тайга кругом... дивы или нет, а... – он махнул рукой. – Все одно мерли...

...но не так, как в других поселениях, где начальство подобным мягкосердечием не отличалось. Он же, этот лысоватый полноватый человечек, больше похожий на мелкого чиновничка, чем на военного, которому было поручено этакое непростое дело, суетился и краснел.

Пил.

Вздыхал.

И потеряв всякий страх говорил. Говорил о вещах, безусловно, крамольных, и во время иное, тут гадать нечего, вскорости сменил бы он не только погоны, но и место жительства, возможно, пополнивши бы ряды постояльцев.

– Аленушку они мне подняли. Ясень и поднял. Он хоть и грозный, и к людям... а как ему к людям, когда люди такие? Но поднял... иные-то лишь руками разводили. Вот я и... может, они там чего и делали, я ж что? Я человек маленький, мне-то откуда врать? Но это там, а тут... я контингент берегу.

Оно и верно.

Это Святослав понял позже, побывав на других поселениях, тогда-то и оценил, что сытный запах, шедший от дальнего барака, что сами эти бараки, поставленные из плотного леса, зачарованные от сырости и плесени, с высокими полами, которые не промерзали даже зимой. Оценил и целые ватники, и то почтение, с которым люди, да и нелюди, относились к смешному Савелию Никитовичу.

...у него не получилось защитить своих подопечных. Не всех. И он искренне, как-то с совершенно непотребной человечностью, выматывавшей и его, и Святослава, переживал о тех, кто ушел.

Что с ним стало?

И выяснить можно бы, но отчего-то не хочется. Может, оттого, что знание не оставит места надежде. А вот рассказать обо всем вышло легко.

И сам не заметил.

Такси давно довезло до нужного места, и уехало, а Святослав все говорил, не имея сил молчать. И слова находились, и вспомнился вдруг взгляд того дива, в котором насмешка сменилась печалью, а та – сочувствием к нему, глупому мальчишке, такому наивному. Он будто наперед знал, что произойдет дальше, и с мальчишкой, и с наивностью.

Святослав замолчал.

И облизал сухие колючие губы.

– И что было потом? – поинтересовалась Астра, озираясь.

– Потом... потом я вернулся на фронт. Думал, что получу выговор за то, что не исполнил задание. Но там лишь кивнули, будто иного и не ждали. Впрочем, и не ждали, да... а меня отправили дальше. Работать.

И замолчал.

А она больше не спрашивала. Смотрела.

Этот район возводили сразу после войны, когда города, очнувшись от затяжного кошмара, вдруг осознали, что все еще живы. И тогда-то, обуреваемые проснувшейся вдруг жаждой к этой жизни, принялись прихорашиваться.

– Здесь раньше стояли домишки, – Астра сцепила руки за спиной. – Я их помню. Сперва мы тут жили. Бабушка сняла комнатку в одной избе. Крохотную. Даже не комнатку, а топчан, занавеской отделенный. За занавеской еще топчан. И снова занавеска. Людей было много, поэтому почти и не топили. Хозяйкою была старуха. Склонная такая. Она все твердила, что того и гляди в разорение введут.

Домов не осталось, тех, прежних, темных и осунувшихся, вросших в землю по самые окна, а может, и того глубже. Теперь вместо них здесь поднимались новенькие пятиэтажки, стояли крепко, смыкаясь углами, выставляя навстречу позднему солнцу блестящие щиты окон.

– Нельзя было бегать. Громко говорить. Вообще говорить. Выходить на кухню. Заглядывать в тот уголок, где стояли старухины сундуки. И вовсе лучше было лежать и не шевелиться. Людей набивалось много, потому что брала старуха дешевле прочих, брала и вещами, и хлебом, и иными продуктами. Всем, что имело ценность, но никогда не позволяла жить в долг. И не знала жалости ни к больным, ни к малым... когда одна женщина заболела и не смогла работать, старуха выгнала ее вместе с детьми.

Астра замолчала, правда, ненадолго.

– Бабушка ее прокляла. Она не говорила, но... я уже видела. Не знаю, что стало с той старухой, но думаю, что, если она и жила потом, то нехорошо, да... а уже через пару лет после войны пожары случились. Дома старые. И стояли тесно. И горело так, что весь город дымом заволокло... поговаривали, что асверские диверсанты всех подожгли, но думаю, что они не при чем. Зачем им жечь старый город?

Святослав кивнул.

Меж новостройками пролегли аккуратные дорожки, по обе стороны которых почетным конвоем вытянулись молоденькие тополя.

– Скорее дело в том, что топили там, чем придется и как придется. Да... но многие погибли на том пожаре, – Астра тряхнула головой. – И обожженных тоже хватало. Их в госпиталь наш доставляли... тогда еще не совсем, чтобы наш. Куда?

– Туда, – Святослав указал на дорожку, вдоль которой вытянулась жидкая полоса кустарника. – Там за домами будут склады...

...не совсем, чтобы склады, хотя изначально строились именно они. Это уже потом, после войны, много после, когда мир в очередной раз переменялся, стало понятно, что нужды-то в этих величественных строениях нет, что стоят они в стороне и от железной дороги, и от нормальной асфальтовой, ибо новую по какой-то причине проложили не по старой, а в стороне. Вот и вышло, что огромные здания использовались лишь частично.

Дома закончились сразу и вдруг, сменившись каким-то неустроенным некрасивым полем. Оно пролегло меж гордыми пятиэтажками и белесым забором, видневшимся где-то там, едва ли не за горизонтом, хотя Святослав помнил, что идти было не так и далеко.

Через поле имелаась тропа, вытоптанная сотрудниками складов и того, что ныне на этих складах размещалось. Правда тропа была узкой и довольно скользкой, а потому Святослав крепко взял диву за руку.

Чтобы не упала.

А она не стала руку вырывать.

Теплая.

Живая.

...сколько их осталось, тех, кто выжил сперва в лагерях, а потом близ линии фронта?

– Бабушка говорила, – сказала Астра, когда до стены осталось шагов десять, и Святославу видна была не только беленая ее поверхность, но и трещины на ней. – Что о прошлом нужно помнить, чтобы не совершать снова совершенных однажды ошибок. Но жить только им нельзя. Что если жить только прошлым, то будущему не останется места.

Глава 5

Владимира раздраженно вытирала пыль. Уже четвертый раз кряду, а может быть даже пятый, главное, что делала она это сосредоточенно, не позволяя себе отвлекаться. Да и то пыли в библиотеке, несмотря на пылепоглотители, набиралось изрядно. То ли поглотители были нехороши, то ли само по себе место это притягивало пыли слишком много, но собиралась она и под полками, и на них, и на самих книгах.

Вот ведь...

– Чего злишься? – Виктория сестру знала распрекрасно, а потому этакая вдруг страсть к чистоте, прежде Владимире совершенно несвойственная, не осталась незамеченной.

Владимира вздохнула.

Помяла тряпку, которая пылью успела пропитаться насквозь, чихнула и призналась:

– Он мне предложение сделал.

– Поздравляю, – почему-то прозвучало далеко не так радостно, как хотелось бы.

– Спасибо, – с той же мрачностью ответила Владимира.

– Ты согласилась?

– Да, но... понимаешь... я не знаю... он такой... такой... вот слишком уж такой, – Владимира тряхнула пыль. – А еще почему-то очень хочет познакомиться со всеми... ну, не только с тобой, но вообще. Зачем?

Виктория промолчала.

В конце концов, она была старше и опытней, а потому полагала, что в людях разбирается куда как лучше сестрицы. Только сейчас сделалось тошно.

И этот, значит...

– Я своего уже познакомила. С Ниночкой, – призналась она.

– И? – глаза сестрицы нехорошо блеснули. – Если что, я этой ведьме недоделанной патлы все повиыдеру...

– Не стоит. Он на нее не посмотрел.

– Точно? – Владимира нахмурилась. – Уверена?

– Совершенно, – Виктория, наконец, поняла. – Знаешь, и это тоже странно...

– А что еще?

– Все странно, – она облизала палец и потерла темное пятнышко, выделявшееся на темной же полке. – Смотри, то не было никого, то вдруг у тебя ухажер, у меня ухажер... у Эвелинки опять же генерал.

– Завидуешь? – Владимира не упустила случая уколоть, и Виктория не стала кривить душой.

– Завидую.

– И я тоже, – сестрица вздохнула и села, как была, на ящик с неразобранными книгами. Ящик стоял уже третий месяц, вот как подняли из подвала по случаю – отыскался командировочный, согласившийся помочь не колбасой, а физическим трудом – так и стоял.

– Вот... у Эвелинки, стало быть. У тебя, у меня... у Ниночки.

– У Ниночки всегда кто-то есть, – возразила Владимира, смахнув пыль, раз уж села, и с ящика. На ящике, правда, та была застарелой, сизой, висящей крупными клочьями.

– Да, но прежде она своих ухажеров в квартиру не тянула. А тут вдруг собралась общий праздник устраивать. Ниночка... – Виктория подняла палец, а после посмотрела на потолок, с тоской подумав, что и его не мешало бы помыть.

Да и вообще давненько они санитарный день не проводили.

– Тоньку добавь, – подсказала сестрица. – Что-то она о своем женихе больше не говорит, зато вот какого-то охламона вчера притащила... вроде к себе, да только он так и норовил в чужие комнаты заглянуть. А дива себе мага прибрала.

– Пускай, – почему-то в конкретном этом случае Виктория не чувствовала зависти. Да и... сам маг вызывал в ней одно желание – убраться от него подальше. Даже странно было, что когда-то он казался ей симпатичным. – Она – это другое, а вот все это... знаешь, я сперва решила, что и вправду ему нужна.

Жаловалась она на жизнь редко, во-первых, потому что жизнь эта, если рассудить здраво, была очень даже неплоха. Во-вторых, жаловаться было некому.

– Он ведь именно такой, о каком я мечтала... а чем дальше, тем больше ощущение, не знаю... будто не по-настоящему все. Он меня в Ленинград зовет, а я поехать согласилась, но... теперь понимаю, что зовет-то как-то... неубедительно.

Владимира кивнула, и кудряшки ее мелкие – каждый вечер с тряпочками мается, влажные волосы на них накручивая – заплясали.

– И мой тоже. Вроде красиво говорит, а... будто для кого другого. И что делать?

– Понятия не имею, – Виктория опустила на вторую коробку и подумала, что с ними что-то да делать надо, потому как стоят, проходы загромождают, да и против правил наверху книги нераспакованными держать. – Но... если они и вправду головы дурят? А мы вот? Задумимся?

– А если нет? – возразила Владимира. – Тогда что?

Отвечать Виктория не стала, отобрала у сестрицы тряпку и принялась тереть пыльный угол ящика.

– Погодим... до праздника... там видно будет.

– Думаешь?

Она не думала, но... то слабое предчувствие, что именно тогда-то и решится все, окрепло. А еще, что о предчувствии этом следует помалкивать.

Вовсе следует помалкивать.

Впрочем, это-то Виктория давно поняла.

* * *

Ниночка приняла три хиленькие гвоздички, и мыло для рук «Ландыш» тоже приняла, понюхала, вяло подумав, что это пахнет слишком резко, что Григорий никогда-то не додумается сходить не в ЦУМ, но в обычную ведьмину лавку. А потом подумала, что в лавке этой она последние недели торчит, почитай, безвылазно. И мыла себе сварить сама способна, как и шампунь, и бальзам для волос и прочую несложную в изготовлении ерунду, которая и идет-то на продажу.

И если Гришка купит, то...

Ерунда выйдет.

– А у меня билеты есть, в театр, – сказал он, густо краснея, то ли от стыда, что билеты на галерку, то ли от собственной смелости. – И еще мне обещали мастера дать.

– Поздравляю.

И Ниночка была вполне искренна.

– А Стаська замуж собралась, – сказал Гришка, который о семье своей рассказывал куда охотней, чем о работе. – Наверное, уедет... или он к нам? Еще пока не решили. У него своя квартирка имеется, но маменька говорит, что ее лучше бы сдавать, командировочным вот можно. Но Стаська против, потому как вдруг донесут.

– Точно донесут. И жить-то им где?

– Так у нас, – Гришкины глаза были синими и наивными до того, что злости не хватало.

– У вас же одна комната.

– Мама говорит, что простыночку повесить можно. Она им место у окна уступит, а я вообще на кухне...

Была Ниночка на той кухне, там и таракану развернуться негде, а в Гришке росту под два метра.

– Если стол подвинуть, то на полу можно. Только Витюша не хочет.

И Ниночке это нежелание было понятно.

– А если мы поженимся, – спросила она вдруг, хотя женитьбы ей влюбленный Гришка как раз-то и не предлагал. – То тоже на кухне станем? И дети потом?

Гришка захлопал глазами.

Ресницы у него были длиннющими, темными. И сам он хороший... и внешне, и вообще, вот только кроме хорошесть что? А ничего... ни квартиры, ни дохода внятного... ладно, с доходами Ниночка сама разберется, когда разрешение на работу получит. Даже если настойки все до единой в Ведьмзаготпродукт сдавать, все одно получится больше, чем у буфетчицы. А если не все, если клиентурой обзавестись своею, пусть не сразу, но потихонечку...

– Не обижайся, – попросила Ниночка и Гришку по руке погладила. – Это я так...

– Стаська тоже говорит, что я беззубый, – пожаловался он. – И с мамкою ругается. Как можно? Мамка больная...

– Симулянтка она, твоя мамка, – почему-то сегодня совершенно не хотелось быть вежливой.

...если в ковен вступить, то и на очередь поставят. Одну-то точно нет, для одной ведьмы комнаты в коммуналке предостаточно, а вот если семейною... или вот дети?

Да, будет ребенок, то площади по нормам всяко не хватит.

Стало быть, поставят.

А там пару лет погодить и подойдет очередь. Ведьмы-то свою спору двигают. И будет Ниночке квартирка, комнаты на две.

Или лучше на три?

Но тогда детей должно быть двое, лучше если девочка с мальчиком, их по правилам в одну комнату селить невозможно. Из Гришки отец хороший выйдет с его-то характером. Да и ответственный он.

Ниночка по-новому посмотрела на кавалера, который держался рядом, но как-то виновато, что ли... а ведь и вправду. Рукастый. Пить не пьет. Ниночку любит... третий год уже таскается, и нет ему дела ни до слухов, ни до других баб, которые по первости пытались Гришку отбить, и не потому, как нужен был, нет, исключительно из обыкновенной бабьей вредности.

Квартирку-то она выбьет.

Особенно, если с ковром... и с клиентурой тетушка подсобит. Даже и без тетушки можно. Небось, в лаборатории столько заказов, что не справляются. Ведьм-то после войны не осталось.

Она зажмурилась, представляя себе эту самую квартирку, пусть небольшую, но уютную, чтобы с коврами – можно будет взять оба, и с лебедями который, и с оленями. Чтобы на полу тоже.

Сервант.

И люстра из чешского стекла.

А еще посуда фарфоровая, с золочением.

Дети... что дети... вдруг да ведьмочка родится, такая прехорошенькая, в Ниночку... и с характером чтобы, потому что ведьм без характера не бывает. А мальчишка тоже быть может, хотя у ведьм все-таки чаще девчонки появляются.

Мысль о детях больше не вызвала отторжения.

Гришка ими займется, а Ниночка... Ниночка займется остальным, включая Гришку. И подхватив его под руку – от этакой милости, прежде являвшейся ему редко, Гришка окончательно растерялся, Ниночка сказала:

– Заявление подадим на следующей неделе. Дело одно завершить надо. А как завершим, так и подадим. Распишемся тихо, ни к чему нам большие праздники. Жить пока ко мне пере-едешь, а матушке своей скажи, что если мешаться станет, прокляну...

Ведьма она или кто в самом-то деле?

Гришка только кивнул.

Вот и ладно... в конце концов, в семье порядок быть должен. Один командует, второй исполняет. И Ниночка с куда большей охотой командовать станет.

...правда, еще с этим мутным делом разобраться и живописца отвадить, который в последнее время совсем страх потерял, сделавшись настырным до крайности.

Не терпится ему.

Ага...

– Родственников на свадьбу если звать вздумает, то пусть сама их и кормит, – Ниночка взмахнула рукой. – Мы же в буфет ходим, там по-свойски скидку сделают, хотя все равно смотреть за ними придется в оба глаза. Тут же как? Чуть слабину дашь, мигом обберут...

* * *

...крендельки.

Астра смотрела на крендельки, такие мягкие, такие пухлые с виду, уложенные этакою башенкой, румяные и еще сахаром посыпанные, отчего на крендельках появилась сладкая темная корочка. Смотрела и думала, что не прочь бы угоститься.

Не то чтобы она голодна...

...голодна.

И если попросить, то не откажут, не потому, что так уж хотят делиться, скорее напротив, эта вот аккуратная завитая женщина, которая превнимательно разглядывала Святослава, а Астру даже приветствия не удостоила, делиться не желает.

Ни крендельками, ни информацией.

И вовсе-то ей не нравится сама Астра, что устроилась в мягком, обитом красной тканью, креслице. Притом женщина каким-то совершенно непонятным Астре способом умудрялась и игнорировать Астру, и приглядывать за ней.

Крендели пахли.

Сдобой.

Ванилью.

– Ах, если бы вы знали, как нам его не хватает, – женщина прижала к уголку тщательно накрашенного глаза платок. – Он был таким внимательным, таким удивительным человеком...

Святослав поспешно закивал, соглашаясь.

Его сила переливалась и искрила, окружала женщину, но не давила на нее, скорее подталкивала к беседе. Со стороны наблюдать за этим было даже интересно, в первые несколько минут, но потом надоело. Да еще и кренделя эти.

Астра сглотнула слюну.

Розочка просто взяла бы, но так нельзя, это признак полнейшего отсутствия воспитания. Хотя и правда. Воспитание у Розочки отсутствует. И вообще, если подумать, то сложно понять, кто тут кого воспитывать пытается.

...надо бы позвонить.

Ведьма поймет. Ведьма точно знает, что матери, нормальные во всяком случае, о детях беспокоятся. Телефон вон, стоит, поблескивает черным боком, надо лишь руку протянуть, но глупой Астре опять же неудобно. Вдруг да она помешает.

Святославу.

Или вот его то ли жертве, то ли наоборот. Вот женщина покосилась на зеркальце, которое удачно спрятала на столе между стопкой серых папок и огромной статуей крылатого коня. Конь, к слову, был внушителен и явно держали его за эту вот внушительность, за то, что под сенью крыльев его не только зеркало уместилось, но еще и пилочка для ногтей, пара склянок с разноцветными лаками и блестящая, явно из ведьминской лавки, пудреница. Женщина смахнула черную соринку с ресницы и обратила взгляд на Святослава. Взгляд этот сделался томен, а Астра поняла, что лишняя здесь.

И встала.

– Я прогуляюсь, – сказала она исключительно из вредности и странного желания взять тарелку с кренделями и высыпать этой вот, завитой и крашеной, на макушку.

Но в отличие от Розочки Астра была хорошо воспитана.

И крендели опять же.

Кренделей жалко. Смелости внезапной хватило на то, чтобы утащить пару.

– Куда! – всполошилась женщина. – Вам нельзя. У нас... объект! – это она произнесла с придыханием.

– Это сотрудник особого отдела, – мягко произнес Святослав. – Ей можно.

Сотрудник, надо же.

Придумал глупость.

Да ни в жизни! Астра скорее в лес уйдет, чем... хотя... с другой стороны, она ведь помогает? И получается, что и вправду сотрудник. Она толкнула дверь и откусила крендель, оказавшийся совсем не таким мягким, каким выглядел. Вчерашний. Но ничего, и так сойдет.

– Значит, – донеслось сзади, – вы не в курсе, был ли у него кто-то... особенный.

– А с чего вы решили, что я могу быть в курсе?! – в голосе женщины проскальзывали тонкие визгливые нотки.

– Просто подумалось, что от такой наблюдательной женщины, как вы, ничто-то не способно ускользнуть... ко всему, у меня сложилось впечатление, что только вы и понимали Петра Сергеевича. Он был довольно замкнутым человеком, а такие люди не делятся с кем попало...

За дверью пахло складом.

То есть, камнем и железом, и еще смазкой, и кажется ванилью тоже, но может, ею пахло от не слишком свежего кренделя. Какими-то травами, канифолью и касторовым маслом. Астра оказалась в узком коридоре, который уходил куда-то вглубь склада, и казался вовсе бесконечным. По обе стороны его проступали двери. И... что ей делать?

Заглядывать?

Смотреть?

И как-то, наверное, придется объяснить свое присутствие...

– Новенькая? – ближайшая дверь открылась и в коридоре появился человек в мятом костюме, который ко всему казался несуразно большим. Расстегнутый пиджак его съехал куда-то на спину, рукава закатались, штаны же провисли и из-под них выехала левая пола рубашки. Правая еще держалась, но как-то неуверенно, что ли.

Воротничок был расстегнут, галстук сбился куда-то на бок.

– Новенькая, – согласилась Астра.

Глава 6

– Ага... – человек поскреб макушку. Волосы его с одной стороны стояли дыбом, с другой были аккуратно приглажены и даже смазаны какой-то гладкою липкою гадостью. – Надо же... эй, тут новенькая!

Голос его прокатился по коридору, но запертые двери остались запертыми.

– Не слышат, – человек развел руками. – Димка я. То есть, Дмитрий Иванович.

Он выпятил грудь и добавил.

– Ведущий специалист. Разработчик... ты вообще знаешь, чем мы тут занимаемся?

– Нет, – сказала Астра. И представилась. – Астра.

– Астра... ага... дива, что ли? Точно дива, – он удивленно хлопнул ресницами. – Дива... дива, это хорошо... в кои-то веки Кирка послушала, чего ей говорят. Наверное, отсюда позволили.

Он ткнул пальцем в низкий потолок. И Астра кивнула.

Почему бы и не кивнуть? Ей не сложно.

– А то вечно... возомнила себя большой начальницей. Петька-то что? Петьке работа главное, а чего уж там по-за работою... увлекающийся был человек. Эх, кого еще поставят... пойдем, я тебе тут все покажу.

Он не стал предлагать руку, но просто развернулся, одернул пиджачишко свой и даже рубашку выбившуюся заправил, правда, только спереди, потому что сзади она, мятая, выглядывала из-под пиджака таким белым хвостом.

– Туточки у нас конструкторы... чертежники. Тебя ведь к ним?

Астра не ответила, да и не нужен был ему ответ.

– Сейчас, небось, пошли чай гонять. А может, и домой, хотя наши-то увлекающиеся... Петька под себя людей брал. Аленка! – он крикнул это куда-то в полумрак коридора. – Ты тут?

– Тут! – отозвалась тьма.

– А Витька тут?

– Тут.

– А...

– Все тут...

– Куришь? – поинтересовался Дмитрий Иванович. – Я вот нет, а они любители подымить. Кирка-то злится, когда тут курят. Нарушение техники безопасности, будто никто знать не знает, что она сама покуривает тишком и в кабинете. Покуривала. Врала, что Петька, только Петька никогда-то бабьи сигаретки не курил. И вообще он редко. Да... идем, со всеми познакомлю.

Курильщики облюбовали полутемное помещение, расположенное в глубине ангара. От прежней складской жизни остались в нем огромные, уходящие куда-то под потолок, стеллажи, ныне пустовавшие, и голые стены.

– Это у нас для испытаний, – сказал Дмитрий Иванович. – Но пока испытывать нечего...

– Вообще нечего, – отозвался хмурого вида парень. Был он молод, худ и одет с претензией, одни туфли с длинными носами чего стоили. А еще и узкие брюки темно-зеленого цвета и такой же зеленый, но поярче, пиджак. Пиджак был притален и украшен крупными металлическими пуговицами.

Явно на заказ шитый.

– Вот поглядишь, нас вообще расформируют, – подтвердила девица в просторном платье, больше всего напомнимшем Астре балахон. Девица была растрепанной и вид старалась держать загадочный.

– Это Аленка. А там вон Игорек стоит. Чертежники...

– Конструктор, – поправил Игорек, разглядывая Астру с немалым интересом. – С перспективой повышения...

– Сдохла твоя перспектива вместе с Петькой, – не удержалась Аленка, и взгляд ее, направленный на Астру, был напрочь лишен дружелюбия.

– А это Астра, новенькая, – Дмитрий Иванович подтолкнул Астру к собравшимся. – Если есть новенькая, то...

– Ничего это не значит, – полная женщина сидела в кресле, которое в ангар принесли вместе с диванчиком, хромоногим столом и прочею, явно не слишком нужной на полигоне мебелью. Мебель была ломаная, чиненная и грязная, что, однако, людей нисколько не смущало. – Вакансию еще Петька открыл. А Кирка вот соблюла... но потом отдел закроют, и окажемся мы...

– Милорада, – представилась она сама. – Завхоз местный...

Платье ее из беленькой ткани в цветочек было аккуратное, на ручках блестели браслеты и кольца, шею обвивала толстая золотая цепочка. Сама же Милорада была холодно-равнодушной, и пусть сидела здесь, среди людей, но скорее для того, чтобы за людьми присматривать.

– А вон там, в кресле, дремлет Антоха, Петькин зам... Антоха...

Темная фигура встрепенулась.

Астра же замерла.

Она не рассчитывала на подобную удачу, хотя, конечно, для человека это вряд ли можно было считать удачей, однако...

– Он у нас приболел малость, – сказал Димка. – А так...

...не малость, нисколько не малость...

– Дива? – удивленный возглас Аленки отвлек Астру, хотя вся ее натура, очнувшись, вновь наполнившаяся силой, – и теперь Астра знала, что силы эти почти неиссякаемы, ведь идут они от того леса, который остался в Запруделье, устремилась к сонному человеку. – Она и вправду дива?!

– Скорее всего полукровка, – отозвалась Милорада, покачиваясь вместе с креслом, которое громко протяжно заскрипело.

– Полукровок дивных не бывает.

– А то ты знаешь.

– Я читала работы Сухоцкого, он явно утверждает, что имеет место полное доминирование крови, которое и позволяет расе сохранять себя при столь малом, недостаточном для поддержания популяции, количестве...

Странные разговоры, которые Астры нисколько не касаются. Ее цель – человек. Тот, сидящий в кресле, сгорбившийся, почти ушедший за грань, человек.

Он ощущается старым, больным, и эти ощущения верны.

Он, этот человек, и дышит-то с трудом. Астра слышит, как тяжело работают мешки его легких, как почти не справляется с загустевшей кровью сердце, и странно ей, что никто-то больше не заметил этой вот болезни.

– ...и все равно его утверждения не научны!

– Тогда почему она так выглядит?

– Очевидно, потому что дива!

В этих словах не было ни гнева, ни раздражения, скорее сам факт принадлежности Астры к дивному народу занимал людей исключительно как некая задача, решить которую им хотелось, ибо было это занятно и необычно.

Она все-таки добралась до человека.

И коснулась его шеи.

Кивнула.

Так и есть.

– Там, в кабинете вашей Киры... – Астра произнесла это, не оглядываясь, – сидит человек. Его зовут Святослав. Передайте ему, пожалуйста, что он мне нужен.

– А вот новейшая концепция Арабескина, если ты, конечно, соизволил бы обратить внимание...

– Быстро! – Астра впервые, пожалуй, за все время своего существования позволила себе не просто повысить голос, но вложить в него каплю силы, той, которая пела в ее крови голосом старого леса. И люди замолчали. Правда, молчание длилось недолго.

На Астру устремились взгляды.

Недоуменные. Удивленные.

Раздраженные.

Полыхнула корона чьей-то силы, явно желающей выплеснуться. Стало тихо-тихо.

И...

– Астра? – Святослава не пришлось искать, он сам вошел. И Астра ощутила огромное облегчение, а еще желание броситься навстречу, спрятаться за магом и притвориться, что ее здесь нет. Святослав же раскрыл ладонь. – Особый отдел.

– Особый? – Аленка скривилась, не пытаясь притворяться дружелюбной. – Кого ты приволок, Димка?

– Я... не знал, – Дмитрий Иванович густо покраснел.

– А вам, девушка, должно быть стыдно пользоваться наивностью человека, – произнесла Аленка с вызовом, правда, глядела она почему-то на Святослава.

– Он заражен, – тихо произнесла Астра, и была услышала. Святослав подобрался и взмахом руки заставил Аленку замолчать.

– Простите? – Милорада поднялась с места, движения ее были медленны, текучи. – В чем, собственно говоря, дело?!

– Поможешь?

– Попытаюсь, но... не уверена...

Этот незнакомый Астре человек жил, единственно, на собственном упрямстве, иначе не объяснить, ибо зараза давно обосновалась в хрупком человеческом теле. Она не просто сроднилась с ним, она вобрала в себя его силу, не погасив ее, но извратив самым причудливым образом. И теперь дар человека его и разрушал.

– Позвольте, какое вы имеете право...

Астра коснулась головы человека, и тьма внутри него, ощутив это прикосновение, заволновалась. Эта тьма вздрогнула, сжалась в комок, готовая в любой момент выплеснуться.

А человек открыл глаза.

И глаза его показались черными не только из-за расплывшихся зрачков: капилляры полопались, и кровь заполнила белок. При недостатке света она и сама гляделась темной.

– Что происходит?! – этот нервный голос заставил человека подняться. Астра отступила. Тьмы было много.

Слишком много.

– Что она с ним сделала?! Вы видели? Нет, вы видели...

– Заткнись, – рявкнул Святослав.

– Палачи!

Это она про кого?

– Антон, ты меня слышишь...

Слышит.

Он всех слышит. Каждый звук, включая скрежет ножек стула о старый пол и цокот каблучков, там, наверху, мышиную возню где-то ниже. А еще дыхание. И дыхание это кажется сладким. Оно, дыхание, манит, но человек не до конца еще превратился в тварь, он сохранил тень разума и теперь отчаянно цеплялся за нее. Однако надолго его не хватит.

– Уводи людей...

– Я маг, – Дмитрий Иванович вновь одернул полы пиджака. – Огневик. Аленка, щиты ставь.

– Ты с ними!

– Не дури, он уже мертвый, – на бледных пухлых ладонях вспыхнуло пламя.

Не мертвый.

Пока еще нет. Он на самой грани замер, балансируя, не способный ни умереть, ни выжить. Измотанный. Ослабленный.

– Щиты! – теперь голос Дмитрия Ивановича ударил плетью. И щиты поднялись. – Рада, давай сеть Изгора...

– Она не доработана...

– Вот и проверим. Даром что ли, зал испытаний...

Странно, Астра видела все словно со стороны. Вот пухлая Милорада, опустившись в кресло, вытянула руки. Пальцы ее замелькали, будто она играла на невидимой арфе, и Астра, даже если бы прислушалась, услышала бы мелодию.

Такую вот неправильную мелодию, от которой по спине мурашки побежали.

Аленка, выплюнув тонкую сигаретку, сотворяла щит и не одна, но в паре с франтоватым Игорьком, и действовали они на редкость слаженно, показывая, что знакомы давно и не просто знакомы. Их сила свивалась, сплеталась, сроднялась так, будто только этого и ждала.

А щит накрыл зал.

Весь.

И, наверное, это правильно, ибо тварь, которая вот-вот переродится, – наивна была Астра, полагая, что выйдет у нее помочь человеку, – не должна вырваться. Она, эта тварь, опасна даже новорожденная.

– Девочка, отойди, – велел огненный маг немалой силы, который больше не казался ни растрепанным, ни смешным. И Астра только сейчас поняла, что стоит рядом с тварью, и не просто стоит, но касается рыхловатой ее кожи.

А ведь...

Тварь заурчала.

И повернула голову. Попыталась, но тело это, помнившее иного хозяина, подчинялось плохо и разворачивалось медленно, всем плечевым поясом. Из глотки его донеслось урчание.

– Медленно давай...

– Я попробую взять его...

– Нет, – Астра сжала липкую шею твари. – Я могу помочь...

...не телу, но той искре, которая еще билась внутри его, ибо была сотворена из дыхания Богов, что бы там люди не говорили. Искра эта желала свободы.

И Астра потянулась к ней.

Ворчание твари стихло, пусть ненадолго.

– Астра...

Она покачала головой.

Не сейчас.

Ей нужно сосредоточиться. Ей нужно... очень нужно сосредоточиться, потому что свет не должен питать тьму. Хватит и одной выпитой души. А этот человек... он просто человек... людям даже уйти некуда, вернее они не знают, не верят, что способны... как все запуталось.

Не важно.

Главное, это просто, протянуть раскрытую ладонь и позвать искру. Правда... как только та погаснет, тварь окончательно станет тварью, и ничто-то не удержит ее.

И успеет ли Астра отступить?

И...

...должна ли она вообще рисковать? У нее ребенок, в конце концов, о котором больше никому позаботиться. И Розочка погибнет без Астры.

Так зачем?

Проще уйти, позволить магам уничтожить тварь. Душа... сколько их потерялось, этих душ, одной больше, одной меньше... не Астра сотворила тьму. Не ей и отвечать.

Она почти поддалась.

Почти отступила, но печальный шум леса не позволил убрать руку, разрывая тончайшую связь, что возникла между ней и тем, кто прятался внутри перерождающегося тела.

– Иди ко мне, – сказала Астра ласково. – Я тебя не обижу. Я тебя отпущу. У людей наверняка есть свой лес, в котором можно отдохнуть от мира, а когда-нибудь потом, когда надоест быть деревом, вернуться...

Искра задрожала.

Крохотная какая... и потянулась, потекла ручьем живой силы, опалила пальцы болью, чтобы исчезнуть, растворившись в воздухе.

Астра вздохнула.

Сунула обожженные пальцы в рот и отступила, пока тварь... тварь стояла. Она просто стояла, покачиваясь взад-вперед, глядя прямо перед собой, в неровный пол, не решаясь сделать шаг.

А вот Астра смогла.

И еще один.

И...

– Двойной щит? – тихо поинтересовалась Аленка.

– Конфликт будет, площадь мала, – напарник ее встряхнул руки. – Я же говорил, нужно работать над уменьшением количества аффирмаций в случае замкнутого пространства. Неперспективная тема, неперспективная тема... хрен вам, а не неперспективная тема.

И Астра сумела, наконец, выдохнуть.

Она почувствовала, как за руку ее схватили, дернули, отбрасывая на пол, и не устояла на ногах, покатилась, кувыркнулась и замерла, не решаясь пошевелиться. Где-то над ней раздался глухой протяжный рык.

– Давай, Димка, что ты на нее любишься...

– Рада?

– Закончила, но структура нестабильна, может, и вправду лучше уничтожить?

– Уничтожим, если что... я страбую...

Астра встала на корточки. И села. И обняла себя, поняв, что дрожит, мелко-мелко... и ведь тварь даже не поцарапала ее. Она, эта тварь, до сих пор стояла и покачивалась, и казалась вовсе равнодушной к людям.

– Ты как? – шепотом поинтересовался Святослав. – Ты... ненормальная, знаешь?

– Нельзя отдавать таким душу.

– Нельзя. Но ты все равно ненормальная.

И обнял.

Не то чтобы Астру совсем никто и никогда не обнимал, но она вдруг поняла, что не хочет, чтобы именно эти вот объятия размыкались, чтобы...

– Давай!

– Интересная наработка, – Святослав не вмешивался, наблюдая за тем, что происходило на полигоне. – И полезная... смотри, сама по себе структура нестабильна и нуждается во внешнем источнике силы для поддержания работы...

Сеть выглядела как сеть, пусть сплетенная из дрожащих силовых потоков.

– И в качестве его она использует тварь... то есть, чем тварь сильнее, тем активнее сеть.

Тварь дернулась было, когда чужая сила коснулась кожи, и вновь замерла, как-то покорно, тихо даже...

– Работает! – взвизгнула Милорада и захлопала в ладоши. – Работает!

– Осталась фигня, – Аленка убрала подпитку, а Игорек свернул щит. – Стабилизировать структуру во внешнем носителе... но... что с ним делать будем?

Глава 7

Они все разглядывали существо, в котором с каждым мгновением оставалось все меньше человеческого. И если поначалу тварь еще походила на Антона Говорушина, старшего научного сотрудника, кандидата магических наук и известного в узких кругах специалиста по начертательной магометрии, то сейчас она выглядела именно так, как положено выглядеть умертвию.

Правда, еще не до конца очнувшись, осознавшему себя умертвию, если вообще они были способны к самоосознанию. Впрочем, столь глубоко философские вопросы Святослава волновали куда меньше, чем одна упрямая дива, которая сама не понимала, насколько близка была к смерти.

И больше всего хотелось схватить ее и тряхнуть хорошенько, чтобы зубы клацнули.

Или сдавить, что есть силы.

Унести.

Спрятать. В каком-нибудь тихом-тихом, надежном-надежном месте, до которого не то, что умертвия, никто, кроме Святослава, не доберется.

Она же тихонько вздохнула и спросила:

– Почему оно не двигается?

– Потому что сил недостаточно, – Святослав заставил себя руки разжать, но не удивился, когда запястье обвили хрупкие пальцы дивы.

Пальцы были холодными и слегка подрагивали.

– Его почти осушили, а уже потом началось преобразование, не знаю, само по себе или без помощи не обошлось... – он хотел было приблизиться к обманчиво-неподвижному умертвию, вычерненные глаза которого были вполне себе живы. Они, эти глаза, быстро и часто двигались в глазницах, всякий раз возвращаясь к одной точке.

К диве.

И та ощущала и взгляд, и интерес, и держалась за Святославом, отчего становилось одновременно и страшно за нее вот, и... радостно? Если отступает, то видит в нем защиту?

– Остаток сил ушел на трансформацию, да и ты вмешалась...

– Душа ушла, – Милорада сама приблизилась к ним, разглядывая с немалым интересом. – В классических процессах синтеза темной материи душа, как правило, и становится тем источником энергии, который не только позволяет преобразовывать плоть, но и наполняет ее, преобразованную, силой. Даже с учетом некоторой опустошенности внешних оболочек, которые у людей одаренных, собственно, и отвечают за работу со внешними энергетическими потоками, то плотности ядра бы хватило, чтобы создать нежить. Ядро у одаренных тоже отличается по структуре...

– Это еще не доказано.

– Просто далеко не все хотят признать, что в чем-то асверы были правы.

– Рада! – жесткий голос Дмитрия Ивановича, который не спешил возвращаться к образу растрепанного ученого, заставил завхоза пожать плечами.

– Я не про методы их, но про научные выкладки. Про исследования...

– Лучше помолчите, – Святославу пришлось сделать глубокий вдох, чтобы справиться с яростью, хлынувшей откуда-то изнутри. И ярость эта требовала...

...эта женщина просто не была там, в лагерях.

Не видела.

Для нее эти самые научные выкладки – просто цифры. Абстрактные. В чем-то интересные. Возможно, спорные, недостоверные, нуждающиеся в проверке... и никогда-то за этими цифрами она не увидит людей. Не потому что глупа, отнюдь. Как раз потому что умна.

И она поняла.

Отвела взгляд.

– Именно поэтому им и нужны были одаренные, – упрямо повторила Милорада, – у них потенциал выше...

...и выдерживают больше.

Выживают.

Терпят.

Восстанавливаются, чтобы пойти на следующий круг преобразований.

– Заткнись, тебе ж сказали, – Алена смахнула пот со лба. – А с ним что? Куда?

– В виварий, куда еще, – пожал плечами Игорек и крутанул пуговицу, которая не удержалась, выскочила из пальцев и покатила куда-то под кресло. – Твою ж...

– Спокойнее.

– Как спокойнее?! – он вдруг вспыхнул. – Спокойнее... это же Антоха! Наш Антоха...

– Уже нет, – Дмитрий Иванович обошел умертвие, которое, однако, на приближение человека не отреагировало. – Перед нами лишь физическая оболочка. Измененная, истощенная оболочка. Даже не уверен, сумеет ли она удержаться или начнется распад.

– Но...

– Ему повезло, – Дмитрий Иванович повернулся к диве и отвесил поклон. – Благодарю вас... мы с Антоном были друзьями... раньше, да и теперь. Войну прошли вместе. И вот тогда получилось выжить, а тут... мне важно знать, что душа его уцелела.

И дива осторожно, не сводя взгляда с мага, кивнула. А сказать все одно ничего не сказала.

– Но... как... он вообще... – не унимался Игорек.

– Думаю, с этим разберутся.

– Разберутся, – согласился Святослав. – Но сперва нужно... Астра?

– Я посмотрю, – тихо произнесла она, но руку не отпустила. Как ребенок, право слово. И... и ей все еще страшно, правда, странная, боится она вовсе не умертвия, но людей с их взглядами, настороженностью.

Недоверчивостью.

– В таком случае, – Дмитрий Иванович погасил остатки пламени. – Не будете ли любезны начать с меня?

– А я против, чтобы она ко мне лезла! – взвилась Аленка. – И вообще, может, это она...

– Не глупи, – Игорек с явным наслаждением оторвал вторую пуговицу и отправил ее вслед за первой. Теперь Святослав смог проследить за тем, как пуговица катится, ровненько, будто по начерченной загодя дорожке. – Ты сама знаешь, что процесс трансформации занимает не один день.

– И что?

– Она появилась только сейчас.

– Появилась.

– Может, пройдем в лабораторию? – предложил Дмитрий Иванович. – Там будет удобнее... и не обращайтесь внимания. Молодые, глупые и перенервничали к тому же. Мы все Антона любили.

* * *

В лабораториях Святославу бывать случалось, и в той, что устроили при интернате, и в тех, что при госпиталях существовали, и в других, о которых он с удовольствием превеликим забыл бы.

Может, согласиться на предложение ведьмы?

Пусть она и не избавит от памяти, но вот ту муть, которая давила на душу, уберет. Ведьмы ведь могут.

– Тут у нас немного беспорядок... да и лаборатория... одно слово лаборатория... биолога у нас нет, хотя Петенька и говорил, что нужно бы... но вот как-то обосновать не получалось. Разработки-то сугубо теоретические, практику... признаюсь, к практике у нас только Мило-рада и желала приступить.

Здесь и вправду пахло запустением.

Комната была огромной и светлой, не столько из-за окон, их-то как раз и не было, сколько из-за белизны стен и потолка, из-за обилия света и металла. Шкафы. И снова шкафы. Складные какие-то. Столы, вновь же складными заставленные. В ближайшей пепельницу устроили.

Кушетка.

Креслице, в угол впертое, явно притащенное откуда-то, ибо лохматым видом своим, какой-то потертостью, совершенно не вписывалось оно в общую обстановку, как и плед, на кушетке забытый.

– Вы садитесь куда-нибудь, – к Дмитрию Ивановичу вернулась обычная его нервозность вкупе с рассеянностью. – Здесь, конечно, неустроено... вот когда проектировали, думали, что и химикаты с нами будут рядышком, а их не устроило...

– Чем вы вообще занимаетесь? – поинтересовался Святослав, мысленно обругав себя, что прежде не додумался узнать. Нет, в общих-то чертах ему сообщили, даже тему озвучили, вот только тема та была столь размыта, что толковать ее можно было по-всякому.

– Допуск... допуск-то у вас имеется, иначе бы Кирочка не позволила. Строгая женщина, весьма строгая...

– Садитесь, – велела Астра, указав на кушетку. – Или ложитесь. Да, лучше ложитесь. Пиджак снимите и амулеты, если есть какие...

Амулетов на Дмитрии Ивановиче нашлось штук пять.

– От облысения, – сказал он, выкладывая последний камушек, казавшийся самым обыкновенным, разве что чересчур гладким, будто стеклянным. – Только не помогает.

Он пригладил руками вклученные свои волосы.

– Потому что разрядился давно, – дива камушек взяла и поднесла к губам,дохнула, и Святослав увидел, как облако золотых искр окружило камень.

Или не камень?

– Его давно делали. От матушки достался, а той... ай, не важно... все-то вновь переменилось, перемешалось, – Дмитрий Иванович мятый свой пиджак пристроил на столе, подвинувши внушительного вида колбу, наполненную темной жидкостью. – Опять за собою не помыли... повадились туточки чай пить. По технике нельзя, в лаборатории-то, но ведь замас-ешься наверх ходить. Вот они и приспособились.

Это он сказал извиняющимся тоном.

– Все бы и ничего, только вот... пьют вместе, а кому посуду мыть, так и не поделятся.

– Теперь поможет, – Астра камушек протянула.

– А...

– Этот не помешает. Наш он, – она огляделась и как-то зябко повела плечами, обняла себя. – Ложитесь. И скажите, давно вы с... мертвым работать начали?

Мертвое, стало быть.

– Так... с самого начала. Только, простите, но термин «мертвое» не в полной мере отра-жает состояние материи. Мы предпочитаем называть ее «трансформированной».

– Какая разница?

Теперь искры окружали саму диву. И как прежде Святослав не замечал их? Они кру-жили, поднимаясь и опускаясь, прячась в белых волосах, окрашивая их золотом, чтобы вновь подняться. Они ластились к коже, и неимоверно хотелось к этой самой коже прикоснуться.

Проверить, такая ли она холодная, какой выглядит.

Ответ Святослав знал, но... прикоснуться все равно хотелось. И искорку поймать, так, как в далеком детстве ловил снег, на язык, жмурясь от счастья.

– Мертвое мертво. Окончательно. Останавливаются процессы, как биохимические, так и энергетические. В измененной же плоти происходит, простите за тавтологию, изменение этих самых процессов.

– Понятно, – сказала Астра.

Понятно не было.

– Это... Петкина идея... мы ведь не то чтобы воевали... на фронте были, но консультантами... знаете, порой стыдно было. Люди воюют, а мы консультируем, – он все-таки лег на живот и вытянул руки вдоль тела. Они лежали ладонями вверх, и на этих ладонях были ожоги. – Я-то... меня порой привлекали... все-таки огневик и уровень второй, до первого малости не хватило... вот. А Петка, он у нас чистый... и рвался, да не пустили. Куда? Голова золотая... мы с ним под Бердяевкой познакомились. Слышали, может?

Святослав покачал головой.

Он слушал и смотрел. Слушал Дмитрия Ивановича, а смотрел на Астру, из которой напрочь исчезла бывшая робость. Теперь движения ее сделались скупы, сдержанны. Руки ошупывали тело, сминая его, и казалось, что еще немного и она просто-напросто вылепит из этого человека другого, моложе, крепче.

Сильнее.

– Деревенька это... была... пока асверы не вырезали... да... они многие вырезали, но именно там впервые выпустили каменных тигров. О них-то слышали?

– И видеть приходилось, – сказал Святослав.

– Да? – Дмитрий Иванович попытался было повернуться, но дива прижала его голову к кушетке, велев:

– Лежите спокойно, а не то больно сделаю.

– Я... потом тоже доставили, не столько самого, сколько внешнюю оболочку. А тогда... мы пытались понять, с чем имеем дело. И как это остановить... помню... добирались тайно, потому как территория захвачена. Наши люди доложили об испытаниях нового оружия...

– И как?

– Когда мы увидели... тогда Петка и сказал, что эту погань нужно не просто остановить, но уничтожить начисто. Что... она не имеет права на существование, как и те, кто создал.

Тигры не походили на тигров, скорее на огромных черепах. Закованные в костяные панцири тела их поднимались над землей горбами. И полосы брони опускались низко, прикрывая и длинные конечности, и подбрюшье, и тех, кто, преодолевая отвращение, скрывался под тварью.

Тигры двигались неспешно, то ли подстраиваясь под шаг пехоты, то ли просто слишком тяжелы были. Но это, пожалуй, единственный их недостаток. Погонщики, укрытые за шейным гребнем, оказывались недоступны для обстрела. Да и сами тигры будто не замечали ни пуль, ни снарядов. И даже если случалось какому промять броню, то тварь это не останавливало.

Живучие.

Неповоротливые.

Они медленно напоззали, а проваливаясь в переплетение окопов, двигались уже по нему. Передние кривоватые лапы, оснащенные плоскими когтями, с одинаковой легкостью раздирали что землю, что тех, кто решил, будто в земле спрячется.

Широкие челюсти.

Ряды зубов.

Бивни, которые вполне ловко перехватывали технику...

...тигры на тигров совершенно не походили.

– Там... их просто выпустили. Позволили кормиться... – Дмитрий Иванович закрыл глаза. – Нашей задачей было понять, как справиться с... подобным. Уже потом появились пожорники и кликуши, и все остальное, что... война ушла, а оно осталось, понимаете?

– Понимаю.

Святослав и вправду понимал, лучше многих.

...мертвые поля, которые кажутся живыми. Они манят травяной зеленью, приглашают ступить, добраться вот до того одинокого деревца, которое кажется единственным укрытием в жару. И зов заставляет людей терять разум.

Они идут.

Бегут.

И добегают, чтобы провалиться в ловушку твари, которая по сути и являлась, что травой, что деревом, что...

– Мы работали во время войны. Нам удалось создать одно... заклинание... скорее проклятье... я не горжусь этим творением, но... ее назвали «ржавчиной»...

...не той ли, которую впервые испытали под Прохоровкой? И тонкая нить заклатья лопнула, высвобождая силу, а сила в свою очередь коснулась колонны тигров, тех самых, которых поставили вперед, надеясь смять ряды союзных големов.

– Были и другие... мы брали создание асверов, то, что получалось взять... изучали, выискивали слабые места. Слабые места есть у всех. И нашей задачей было сделать так, чтобы эти слабости стали, если позволите выразиться, критичными... вот... Петька был старшим, я при нем... в основном силовая поддержка. Антоха опять же... он проклятийник как раз, исследователь... был...

Голос Дмитрия Ивановича дрогнул.

– Потом присоединилась Милорада. Ведьма... у ведьм свои приемы... вот... после войны мы разошлись, но из виду друг друга не теряли. Да и не позволили бы. Месяца не прошло, когда... в общем, нам предложили продолжить работу. Сказали, что война закончилась, но осталось много того, что следовало бы уничтожить. И потому наш долг...

Он тихо охнул, когда Астра надавила раскрытой ладонью на лопатки.

– В первые годы мы еще выезжали, а потом уже здесь обосновались. Вели в основном теоретическую работу.

– С мертвечиной?

– Они не мертвые... это... преобразование. Знаете, если бы я верил в богов, я бы сказал, что имеет место прикосновение темной божественной силы. Но поскольку в богов я не верю...

– Зря, – тихо произнесла Астра, и спорить с нею Дмитрий Иванович не решился. Да и сложно спорить, когда лежишь, распластанный на столе, прижатый к этому столу дивьей силой.

– ...мы в конечном итоге постановили, что имеем дело с особым видом энергии, источник которой попал в руки асверам и был использован... вы знаете, как он был использован.

Святослав наклонил голову.

– Вы... – Дмитрий Иванович все-таки повернулся. – Ведь бывали там? Видели... лагеря?

– И лагеря. И лаборатории.

Почему-то получилось сказать спокойно.

– Видели. И я... и Петька... мы... даже разбирали... к счастью тогда, сразу после войны, все были слишком напуганы, что мы, что союзники... вслух никто не скажет, но страх заставил действовать единственно возможным способом, и... то, что там было найдено, уничтожили.

Святослав кивнул.

Он присутствовал. И при уничтожении в том числе. И... при людях, которые не скрывали, кто отвращения, кто ярости, а кто сожаления.

Легкого такого.

Опасливого.

Но сожаления. Ведь зачем уничтожать результаты работы, когда ими можно будет воспользоваться? Пусть не сейчас, но позже, когда утихнут волнения. Когда все подзабудется.

– Все надеялись, что после гибели источника и созданное им тоже погибнет. Само собой. Но оказалось, что трансформированная материя вполне способна существовать и вне источника. Более того, как показывает практика, она адаптируется к миру.

Он охнул.

Астра же убрала руки.

– Вас тоже лечить надо. Много. Но вы не заражены.

– С-спасибо, – Дмитрий Иванович пошевелился. – А то... знаете... не хотелось бы на старости лет самоубиваться.

– Так уж и сразу?

– А когда? – он неловко сел и пошевелил плечами. – Я видел, что происходит с живым, когда оно меняется. И не хочу... и душа опять же. Антоха был хорошим человеком, понятия не имею, как... откуда вообще...

Он принялся перестегивать пуговицы рубашки, только теперь обнаружив, что застегнуты они неправильно, что один ее край выше другого.

– Мы были осторожны... изначально... то есть, мы видели, к чему приводит небрежность. Еще там, на войне... для запуска некоторой трансформации нужна малость. Хватит царапины. Обмена биологическими жидкостями и толики энергии. Да... и потому мы были осторожны.

Он пошевелил шеей.

– Ко всему, не знаю, поверите или нет, но мы действительно сосредоточились на теории. Петька пытался понять, что именно отличает измененную материю от обыкновенной. То есть, внешне понятно, но вот суть, та малость, которая и является искрой, которая... в общем, глобально он хотел найти способ обернуть изменения вспять.

– Это невозможно, – сказала Астра, отступая от кушетки.

– Почему?

– Потому что невозможно.

– Это, позвольте заметить, абсолютно ненаучно.

– Зато правда, – она посмотрела на человека с жалостью, как на того, кто в силу рождения своего, способностей, просто-напросто не может понять простейшей истины. – Мертвому живым не стать.

И эти ее слова дали Святославу то, чего не хватало во всей этой истории.

Смысл.

– Не стать, – медленно повторил он. – Но... если очень хочется?

Глава 8

Калерия сидела на подоконнике и лузгала семечки. Вид у нее был презадумчивый, даже мечтательный немного, и Ингвар залюбовался.

Такою же, задумчивою и мечтательною, он впервые увидел ее, тогда, перед самым боем. И семечки она от так же лузгала, пусть и устроившись не на подоконнике, но на броне боевого голема. Голем свернулся калачиком, и казалось, будто и вправду способен он греться на солнышке.

– Ты красивая, – сказал Ингвар, как тогда. И Калерия вспомнила, улыбнулась.

А тогда хмурилась.

И теперь едва заметная складочка пролегла по лбу.

...там, под Прохоровкой, от нее пахло ромашками и липовым цветом, медом, разнотравьем луговым. И солнце путалось в распущенных ее волосах, играло влажными прядями. Тогда он не видел ни выпцветшей до бела гимнастерки, ни босых ног, ни развешенных на боковых шипах голема тряпок.

Он смотрел на женщину и понимал, что уже не отпустит ее.

Что бы ни случилось.

– Непокойно, – сказала она. – Не знаешь, когда топить станут?

И поежилась зябко.

– Шуба нужна? – усмехнулся Ингвар.

– Нужна, – Калерия тряхнула головой, и волосы, собранные на затылке в пучок, рассыпались, упали тяжелыми прядями. И вовсе незаметна в них седина, и вовсе не так ее и много, чтобы беспокоиться. – Медвежья.

И глянула искоса, с насмешечкой.

В тот день она тоже вот так глянула на него, сверху, пусть и зная, что в ином своем обличе двупостасный с легкостью на голема вскарабкается. Но не испугалась, ни первого облича, ни второго, ни даже наготы его, взгляд не отвела, но прядку за ухо заложила и спросила:

– Семак хочешь?

А он сел на прогретую землю и коротко тявкнул.

– Да ладно, чего я там не видела, – ответила Калерия и рукой махнула, едва не рассыпав семки. – Можно подумать один ты бегаешь.

Почему-то слова эти задели за живое. Бегал-то Ингвар не один.

И как знать, кто еще из стаи заметил такую чудесную женщину? А потому преодолев прежде несвойственную ему стыдливость, он поднялся и спросил:

– Замуж пойдешь?

– За тебя? – а она не удивилась. Разве что самую малость.

– За меня.

– Неа.

– Почему?

Стало обидно. Он ведь хорош. Силен. И первый в стае. И стаю примет, потом, когда вернется домой...

– Я тебя, охламона, в первый раз вижу, – сказала Калерия, – и сразу замуж зовешь. Откуда мне знать, что ты за человек.

И потянулась на солнышке, а золотые волосы ее растеклись рекою.

– Да и ты... меня тоже в первый раз видишь, – добавила она. – И откуда тебе знать, что я за человек?

– Мой.

– Твой, не твой... – усмешка ее вдруг стала кривоватою. – Что, не слышал, чего про таких, как я говорят? Про то, где на войне бабское место?

Ее место было внутри боевого голема первого уровня, массивного создания, способного преодолеть и мертвополье, и темные пути. Огромного, почти неуязвимого, как кажется снаружи, да только горели они неплохо, особенно под асверским зеленым огнем.

– Плевать, – он дернул головой, сразу решив, что если кто пасть откроет, то без зубов останется. И не потому, что ему, Ингвару, есть дело до дураков. Но их дурость огорчает чудесную женщину, которая обязательно станет женой Ингвара.

Ее боги судили.

Даже если сейчас никто в богов не верит.

– Сейчас плевать, а потом...

– Докажу.

Отступить он не собирался, а она, посмотрев снисходительно, как на больного, сказала:

– Что ж, докажи... по ночам все одно холодно, так что справишь мне шубу, тогда и про замуж поговорим.

Ингвар сразу подумал, что с шубой быстро не выйдет, мех у зверя летний, легкий, надобно будет осени ждать, но он подождет, главное, не потерять. А женщина, разом будто позабыв и про шубу, и про предложение его, поинтересовалась:

– Так семак будешь? Мне тут в одной деревеньке насыпали...

– Буду, – решил Ингвар.

Так они до вечера и сидели, наслаждаясь тишиной и солнцем, разговаривая о чем-то, что не имело отношения ни к войне, ни к ним самим. И уже потом, когда прозрачные летние сумерки добрались-таки до перелеска, запели соловьи, а Калерия сказала:

– Завтра будет горячо... ты там осторожней, ладно?

– Беспокоишься? – ему это вот беспокойство было приятно. – Кавалеров мало?

– А то. Шубы ж ты пока не принес, – она дернула плечом. – Кавалеров-то хватает, а шубы так и нет...

...шубу он справил, правда, ждать и вправду пришлось. Медведей в лесах, посеченных бомбами, подпаленных огнем и силой, не осталось.

Да и отец...

Не одобрил.

– Будет тебе новая шуба, – Ингвар обнял женщину, которая доверчиво приникла к плечу. – Что случилось?

– В том и дело, что... ничего, но не спокойно. Вот тут, – она положила ладонь на грудь. – Будто душит что-то, а что... не нравится мне Ниночкина затея. Да и тетка ее просила приглядеться к этому... художнику. Остальные не лучше.

Она вздохнула.

– Осляпкин опять же... что у него искали?

– Понятия не имею, но схожу, тоже поищу.

– Сходи, – согласилась Калерия, закрывая глаза. – Тебя спрашивали...

– Кто?

– А... опять какая-то девка из ваших, сказала, что отец твой прислал.

Ингвар фыркнул, услышав в голосе жены ревнивые ноты.

– Красивая?

– Вечером придет, тогда и решишь, красивая или нет... сказала, что я уйти должна, оставить тебя в покое, раз уж не сподобилась родить.

Ингвар поморщился, дав себе слово, что завтра позвонит-таки в общину, впрочем, понимая, что толку от этого не будет совершенно. Отец отличался обычным для двуипостасных упрямством.

Так что не поможет.

Но позвонить позвонит.

Попросит больше не лезть в его жизнь. И девицу отошлет. Девушке много не понадобится, хватит одного разу рывкнуть хорошенько... а вот с отцом сложнее.

– Мне перевод предлагают, – сказал он. – Тут... неподалеку. Полигон. Особый. И при нем военный городок. Я так понял, что военный. На мне охрана. Обеспечение порядка. Жилье обещают. Дом. Там... сказали, что деревня была, но после войны не стало. Дома подправить надо, но в целом вполне они для жизни годятся.

– И... когда? – тихо спросила она.

– Если соглашусь, то недели через две-три. А там... сказали, и тебе работа найдется. Если захочешь. Люди нужны... а нет, то останешься тут. Недалеко. Буду приезжать, когда не на дежурстве. Но...

– В городе тяжело?

Он кивнул, чувствуя себя виноватым.

– Мне тоже, – призналась Калерия, прижимаясь к мужу. – Я ведь не из местных и... давит все. Камень один. Особенно осенью вот.

– Я и подумал, что, может, вариант и неплохой... тут в городе... и вправду не то, – он поморщился, потому как получалось, что жалуется, хотя дело вовсе не в жалобах, а просто в неспособности его, Ингвара, в городе существовать. Пусть даже ведьмины зелья и успокаивали ту другую, тревожную, натуру, да только все одно не нравилось ему.

Слишком много людей.

Запахов.

Железа.

Тесно. Душно. И злит все, а злость не уходит, накапливается, и появляется страх, что прав был отец, говоря, что Ингвар не справится, что любовь любовью, а натура свое возьмет.

– Езжай, – Калерия погладила его. – Тебе ведь хочется.

– А ты...

– И мне хочется... чтобы дом. Я кур заведу... яблоневый сад посадим, такой, как у папки был... помнишь?

Помнит.

И как свататься приехал, привез треклятую шубу, и застыл у ворот, не находя сил войти. А потом, вечером, они собирали эти самые яблоки, которых в том году уродило больше, чем когда бы то ни было, и стеснялись смотреть друг на друга.

– И козу, – решила Калерия. – Когда коза есть, это ведь хорошо?

– Не знаю. Я с козами как-то... не очень... – он улыбнулся.

И Калерия поняла, что все-то у них еще будет. С детьми не сложилось? Так ведь взять можно кого... сирот-то хватает. Или племянников приглашать чаще, тех, что маленькие, сестра-то вон жаловалась, что тяжело ей с семерыми, не понимая, до чего больно читать эти письма.

– Заведем, – твердо сказала Калерия. – Тогда и научишься, и с козами, и вообще...

И решение это, принятое вот так, просто, – куда ей ехать, кем работать, где жить? – показалось вдруг единственно правильным.

Малость осталось.

С делом разобраться, и с Осляпкиным опять же...

* * *

...Антонина глядела на знакомый дом, все еще сомневаясь, стоит ли тревожить покой человека, который определенно не обрадуется ее визиту. Однако чутье, доставшееся то ли от

матушки, то ли от отца, чье имя так и осталось неизвестным Антонине, подсказывало, что идти нужно.

Не сейчас.

Погодить, пока станет темнее, нет, не совсем, чтобы ночь. Ночью многие местные собак спускают по старой привычке. И пускай собаки Антонине не страшны, но лай же поднимут, народ взбаламутят.

Она пойдет в сумерках, когда мир наполняется тенями, и сложно среди них отыскать тех, что плоть имеют. А пока она понаблюдает, издали, сроднясь с зарослями, что подобралась к дому вплотную, прячась в сыром их нутре, прислушиваясь.

Приглядываясь.

Розы тихи.

И света в окнах нет, что неправильно. Старики редко уходят из дома, а уж чтобы на ночь глядя. И соседка тревожится. Дважды уже подходила к забору, глядела на дом и отступала. И возвращалась.

Вновь появилась, уже на улице.

Помялась у калитки, но все же, решившись, толкнула ее. Вошла. Огляделась. Тихонечко пощупала розовый лист.

– Ефим Петрович! – крикнула она громко. – Вы дома?

Тишина.

И соседке становится не по себе. Антонина сжалась в комок. Ну же, уходи, убирайся, безобразно любопытная баба, которая выбрала именно сегодняшний вечер, чтобы любопытство утолить.

Не уходит.

Дошла до дома.

Снова позвала. Постучала в дверь. И позвонила. Резкая трель была слышна и в укрытии.

– Есть кто дома? Вы дома? С вами все хорошо?

Плохо.

И потому пошел слушок, что Отвертка слился, чего быть не могло. А главное, не понять, откуда этот слушок... и что делать Антонине?

Вот и решилась.

– Ефим Петрович! Я милицию вызову! – визгливо пригрозила соседка.

Дверь подергала, убеждаясь, что та заперта. И отступила-таки, не решилась вскрывать, или просто не умела? Не важно, главное, убралась к себе.

Вызовет милицию?

Вызовет, и думать нечего. Сколько времени осталось у Антонины? Проклятье, меньше, чем нужно. И придется спешить. А она терпеть не может спешку.

Антонина потеряла нос, пытаясь унять свербение в нем. И чихнуть бы, но вокруг тишина, и звук этот резкий не останется незамеченным. Да и мало ли, как знать, кто еще за домом приглядывает.

Или скорее к дому приглядывается?

Она двинулась, ступая осторожно, скользя меж тенями. Как матушка учила.

...шаг и еще...

Тропинка сама под ноги ложится шелковой лентой, и ступать-то, как обычно, боязно, потому как шелк – ткань коварная, скользкая, того и гляди вывернется, где тогда окажешься?

– Будь крайне осторожна, – матушкин голос зазвучал в голове. – Помни, что туманные тропы – это не забава, что легкость, с которой ты можешь попасть в любое место, кажущаяся. И за каждый шаг, сделанный по тропе, придется заплатить.

Она сидела у окна, расчесывала волосы, рыжие и яркие, что лисий хвост. Гребень скользил по прядям, и матушка морщилась, поскольку седины в них стало больше.

Седина ей была к лицу, как и тонкие морщинки, которые нисколько-то ее, настоящую, не портили.

Антонина точно знала.

И не она одна.

Вокруг матушки всегда вилось множество мужчин, и из общества, и иных, порой причинах и должностях, готовые ради нее расстаться, что с первым, что со вторым. А она...

...правильно, мужчинам веры нет.

И полагаться в этой жизни можно лишь на себя.

И на тропы, умение ходить по которым отошло Антонине вместе с талантом носить маски. Такое вот сомнительное наследство.

В доме тихо. И тишина эта тревожная ощущается всею поверхностью кожи. Тропа прошла за дверь, сквозь дверь, ибо в том мире не было преград для нее. Но и цена... Антонина закрыла глаза, дрожа, пытаясь успокоиться. Сердце колотилось слишком быстро, и воздуха, как обычно, не хватало, потому как этот воздух сделался вдруг колюч и тягуч. Он киселем тек в горло, забивая легкие, а легче не становилось.

Сколько она отдала?

День жизни?

Час?

Никогда не знаешь наперед... а может, сразу год? Или... в тот, самый последний раз, когда Антонина видела матушку, та ушла, сказав, что к вечеру вернется. И не вернулась, ни к вечеру, ни к утру, ни после. Её искали, конечно.

Свои.

Не нашли.

И у Антонины спрашивали, не знает ли она. Она знала. Не потому как была умнее прочих, но... та тропа, на которую Антонина ступила, когда ей исполнилось шестнадцать, подтвердила ее догадку. Туманный ветер принес тоску и тающий аромат маминых духов, а еще слабый зов, не о помощи, нет, но... с ним искушение двинуться туда, куда зовет тропа.

Вдруг еще можно помочь?

Вдруг...

...туманные тропы опасны.

Антонина отлипла от стены и принялась. Сейчас, переступив грань мира, она сумела удержать часть его, иного. И магия ее, та, которой не было – о том и справка имелась – проснулась. Эта магия высветила дом изнутри, раскрыв все его тайны.

И тайники.

Много как... Отвертка был человеком разумным, а потому не хранил ценности в одном месте. Антонина вдохнула аромат пыли и крови, той, густой, черной, которая свидетельствует, что пролита она была довольно давно.

Гудели мухи, но по осеннему времени вяло.

...первый этаж.

Кухня.

И розы... снова розы... высохшие почерневшие бутоны, которые осыпались на пол. Скукоженные листья, сухие плети стеблей, рассыпавшиеся по кухне. Человек, лежавший на них ничком. А вот самое странное, что крови не было.

Запах был, а крови...

...впрочем, запах существовал там, за гранью, свидетельствуя о том, что смерть эта вовсе не была случайной. Оно ведь всякое случается, сегодня человек есть, а завтра нет.

Антонина осторожно переступила через пожелтевший стебель и опустилась на корточки. Она не стала прикасаться к мертвецу, но наклонилась, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Легкий запах разложения...

...смерть наступила более суток тому, однако ночи прохладные, а печь не топили. Дом выстыл и процессы замедлились.

Сутки.

...сутки тому новоявленный жених ее принес колечко. И руку поцеловал, играя одновременно робость и отчаянную отвагу.

...колечко простенькое, серебряное, довольно старое, аккурат настолько, чтобы можно было соврать про матушку, от которой оно осталось.

Антонина потрогала его.

Нет, обыкновенное, в том смысле, что нет ни скрытых заклинаний, ни проклятий. И пусть здесь, в мире яви, она и не увидела бы, но на тропе все иначе. А там колечко молчало.

Молчало и здесь.

Вот только...

Она все-таки коснулась шеи мертвеца, крайне аккуратно, стараясь не тревожить осыпавшиеся лепестки. Если Антонина что-то понимала в людях, а ей хотелось думать, что в них она все-таки разбиралась неплохо, то Отвертка не ушел бы просто так.

...или оставить?

Не ее дело.

Просто уйти, сделать вид, что и не заглядывала в дом. Разве что заглянуть в тот тайник, который в спальне под кроватью. Открыть его будет просто, а камни в нем лежащие, Антонине пригодятся. Даже не обязательно все брать. Напротив, все брать крайне опасно, а она не дура. Пару штук, из тех, что поплоче, появление которых можно будет объяснить...

...и деньги.

Не золотые монеты ушедшей эпохи, которые Отвертка держал здесь, на кухне, в том вот крайнем шкафу, украшенном парой розовых бутонов, но простые ассигнации, перетянутые резиночкой. Взять пару пачек, их там много, и при обыске, который учинят, тайник поднимут. Этот – определенно. А стало быть убыток спишется на тех, кто его откроет.

– Пришла, – раздался скрипучий тихий голос. Антонина зажмурилась, чувствуя, как знакомо выворачивается наизнанку мир. – Хорошая девочка. Только зря ты...

– Нет.

Не ради него.

Ради себя.

Что-то подсказывало, что она, Антонина, уже ввязалась в чужую игру, правила которой ей не известны. И выйти из нее просто так, по желанию, не получится.

– Кто? – спросила она.

А туманный ветер вновь принес тот самый аромат. Матушка не покупала духи, ни в магазине, ни в ведьминской лавке, сама их составляя, повторяя, что запах женщины индивидуален, что...

– Зачем тебе, девочка?

– Я следующая, – Антонина сказала и поняла, что так оно и будет. – Это из-за дивы, верно?

– Да.

Ветер нашептывал, что здесь, в мире теней, время течет иначе. И для Антонины годы прошли, а вот для матери ее – мгновенья. И она, матушка, даже не поняла, что произошло.

И не поймет.

...разве Антонина не хочет спасти матушку?

Вдвоем им было бы хорошо. Вдвоем они бы уехали. Далеко, к морю. Выкупили бы дом на берегу, небольшой, с белыми стенами, с соломенной крышей. Розы высадили бы.

Антонина, может, вышла бы замуж.

И матушка. Она ведь не старая.

– Расскажи, – эта просьба дается тяжело, ибо ветер на все голоса расписывает, какой станет та, иная, жизнь Антонины. И отчаянно хочется верить ему.

Нельзя.

– Твой заказ. Тот, что ты привезла в последний раз... постоянный клиент, – он говорит медленно, и кружит, кружит. И Антонина знает, что нельзя подпускать близко, что пока еще Отвертка держится, движимый не столько желанием отомстить убийце, сколько восстановить справедливость. В ней дело, в справедливости. Но близость иной души, живой, связанной с телом – большое искушение. – Разное время... города... давно, еще до войны, он повадился заказывать ведьмины камни.

Антонина поморщилась.

Нет, она знала, что груз ее весьма специфического толку. Случалось ей и зелья возить из тех, за которые не то, что работы, головы лишиться недолго. И амулеты из запрещенных. И прочее, что обычным путем не отправишь. Но вот ведьмины камни...

...темное, дурное.

И ветер стихает, будто разумный. А может, и вправду разумный, кто здесь разберет.

– Я с подобным завязать велел, – оправдываясь, сказал Отвертка, хотя не Антонине его судить. Боги, те самые, которых больше нет, сами решат, что делать с грешною душой его. – Когда получил корону. Одно дело, когда смута кругом, да и то... лишняя кровь только глаза застит.

Верно.

А еще верно, что во время смуты большой, страну захлестнувшей, легко потеряться. Ведьм и вовсе довольно, кто их считать станет-то? Одною больше, одною меньше. Другое дело сейчас, когда каждая или при ковене, или при школе числится.

Пропадет?

Искать станут. А найдут выпитую до капли, то и вопросы появятся. К кому? Известное дело... нет, это не те деньги, которые стоят подобного риска. Именно потому и отступился Отвертка, а не из большой к ведьминому племени любви или совести взыгравшей.

– Нынешний груз – старый заказ, на который давно договор составлен. И не простой, – чужая душа подобралась близко. И пора уходить, но Антонина медлит. – Короной он связан и кровью... потому и отказать не смог. Вот и...

...и не стало ведьмы.

Или двух.

Или трех? А может, и дюжины... везли камни издалека, скорее всего с юга, там, что бы ни писали о свободных женщинах Востока, а старые порядки сохранились.

Антонина знает.

Дорого бы стало, но... не невозможно купить девочку-другую или сколько нужно. Отыскать и принести в жертву, сцедить силу по капле, и ту, что свыше дадена, а как она иссякнет, то и иную, душой прозываемую.

Сплести заклятье.

Запечатать в камнях драгоценных, которые только и способны силу удержать, да и то ненадолго.

– ...это была последняя поставка. Согласно договору.

Дыхание мертвеца касается шеи. И кажется, что не только дыхание, что еще немного и тронут эту шею ледяные пальцы, вцепятся, сдавят.

Спокойно.

Дышать надо спокойно. И помнить, что душу на краю мира держит лишь воля Антонины, что стоит ей сослупить с тропы, и все закончится.

– Он разозлился?

– Нет. Сказал, что больше и не понадобится. Он нашел другой источник. Такой, которого хватит, чтобы вернуться.

– Если так, то почему он тебя убил?

В этом не было смысла. Договор исполнен. Договор завершен. И Отвертка не стал бы мешаться. Или...

– Дивы, – Отвертка все-таки коснулся шеи, и прикосновение это заставило Антонину замереть. Сердце сжалось в нервный комок. – Ему нужны дивы. Останови.

Он убрал руку.

И сказал:

– Возьми деньги. Возьми золото. Ты видишь где.

– Нет.

– Возьми. Я... Александр Сергеевич Карамазин, князь и наследник рода Карамазиных, признаю тебя, Антонина, своей законной дочерью и наследницей...

Он запнулся, а ветер зашелестел, будто смеясь, а заодно подговаривая открыть глаза, оглянуться, посмотреть на человека, который...

...нет, матушка не стала бы связываться...

– ...и передаю тебе силу и право...

Силу...

...сила его ощущалась здесь темным густым потоком, который грозил снести Антонину, потому что...

– ...распоряжаться всем имуществом моим, как движимым, так и не движимым.

Он замолчал.

Молчала и Антонина.

– Ты... не желаешь спросить? – Отвертка, некогда князь Карамазин, один из тех, о ком Антонина читала в школьном учебнике, угнетатель и кровопийца, держался сзади.

– Ты и вправду мой... отец?

– Да.

– Почему...

– Сыну князя можно любить цирковую актриску, но негоже упоминать о той любви в приличном обществе, не говоря уже о большем. Бродяге, вдруг оставшемуся без дома и имени, которое стало слишком опасным, чтобы признаваться в нем, нечего предложить женщине. Правда, она ничего и не требовала, но... я был обязан ей жизнью.

...может, поэтому матушка так и не согласилась на те, другие, предложения, которые поступали? И ведь предлагали отнюдь не покровительство, не только покровительство, но и положение.

Отношения.

Официальные. Одобренные обществом. Способные вытянуть ее из... этого.

– Ради нее я не сдох, а затолкал княжескую честь туда, где ей ныне было самое место. Да... случилось сидеть, но... отсидел и вышел.

С новой короной.

– Ты появилась на свет, когда я впервые попал на каторгу. Пока росла, побывал там трижды. Уходил. Научился... многому научился. Да и сама знаешь. Возвращался к ней, но потом получил корону и... вновь стало слишком опасно признаваться.

– А теперь?

– Теперь я, наконец, найду ее. И мы выберемся. Куда – не знаю. Но мы выберемся?

– А я? – прозвучало до отвращения жалко, будто она, Антонина, вновь маленькая девочка, растерянная, не знающая, как ей быть.

– А ты справишься, – совершенно спокойно ответил князь. – Но помни, ты унаследуешь не только силу, но и долг.

– Перед дивными?

– Да.

Антонина склонила голову.

– Остальных не бойся. Перстень возьмешь, покажешь... кто-то будет возмущаться, да ныне не те времена, когда сила правит. Никогда-то по сути своей она и не правила. Захочешь удержаться – удержишься. Захочешь уйти – позволят, только цену назначь достойную. И договор проси. На крови.

Антонина промолчала.

Наверное, стоило сказать что-то. К примеру, что она любит. Его ли, матушку ли... и вообще... и мечтает о семье. Или нет?

Она выдохнула, отпуская мир. И губы дрогнули, произнося одно-единственное слово:

– Удачи...

...почему-то не возникло и тени сомнений, что он найдет маму. И уже там, в мире реальном, отдышавшись, вытерев ладонью закровивший нос, она поняла, насколько сгруппировалась.

Имя!

Она не спросила ни имени, ни примет заказчика.

– Вот дура, – прошипела, тревожа окружающую тишину. И сама себе пощечину отвесила. Помогло. Как всегда. И отпустила, что боль непонятная, что... взять себя в руки.

Выдохнуть.

Вдохнуть.

Подняться. И наклониться, зажав нос пальцами. Кровь остановилась сразу, но не хватало, чтобы какая-нибудь капля упала на тело. Антонина коснулась холодной руки, перехватила ее за запястье и с трудом, но стянула неприметное колечко.

В руках ее оно поплыло, меняясь, подстраиваясь, признавая за нею, Антониной, право... не хватало проблем. И как ей быть? Нет, наследство она примет, но... чтобы воровскую корону примерила женщина?!

...потом. Антонина подумает обо всем потом, когда будет у нее время. А сейчас она поднялась, еще раз потрогала нос, убеждаясь, что кровотечение прекратилось.

Тайники она вскрывала уже без страха. Дважды руку опалило жаром, но всякий раз кольцо поглощало его, рассеивая охранные плетения.

Золото.

Камни.

Ассигнации. Домой нести нельзя, а оставить... ни один из прежних тайников для такого дела не годился. Появилось даже искушение вернуть, как было, но Антонина упрямо мотнула головой. Как бы потом ни обернулось дело, деньги всегда пригодятся.

Она покинула дом, когда сумерки уже почти сгустились, не зная, сколько времени прошло. Немного, если милиция еще не приехала.

И ладно.

Ждать она не станет. Незачем. Возможно, когда-нибудь потом, через год или два, или десять, не суть важно, но Антонина вернется, чтобы узнать, где похоронили князя, коронованного в двух мирах. И быть может, навестит его могилку.

Если будет настроение.

И розы. Надо будет посадить розы.

Опять же, если, конечно, будет настроение.

Глава 9

Розочка с Машкой, все еще ошалевшей, не верящей в собственное счастье, уснули, обнявшись. И выяснилось, что ее, Астры, кровати, для детей еще хватает, а вот самой Астре места уже маловато.

Нет, если с краю.

Бочком.

И вообще... она вздохнула и поправила тяжеленное пуховое одеяло, от которого успокаивающе пахло травами. Во сне дети выглядели, как и положено, детьми.

Ничего. Астра на полу ляжет. Если постелить второе одеяло, а накрыться пледом, то вполне себе можно переночевать. Или...

Тихий стук в дверь заставил подняться.

– Доброй ночи, – маг не переступил порог, но голову вытянул. – Спят?

– Спят, – подтвердила Астра. И зачем-то добавила: – Умаялись.

И улыбнулась, потому как и вправду умаялись, чего за Розочкой, пожалуй, с рождения не водилось. А тут вот... ведьмы и танцы, и кружок музыки, и еще готовка.

Ужин.

Разговор, который, казалось, никогда-то не прекратится. И снова ведьмы. Сонный мед, который Астре всучила Аннушка же, со стыдливым притворством отводя взгляд, будто бы ей и вправду неловко было. И Астра думала отказаться, но Савожицкая кивнула, мол, возьми.

Астра и взяла.

И мед был хорош, сладкий, весеннего первого сбора, он, смешанный с травами, настоящий на них, еще не загустел. И верно, до новой весны не загустеет, то ли благодаря травам, то ли ведьминской силе. Главное, ложечки его, разведенной в теплом молоке, хватило, чтобы Розочка стала зевать, а там и...

– Это ведь хорошо? – спросил Святослав, взъерошив волосы.

– Да.

– А... ты как?

– Тоже неплохо.

– Нет, в смысле, спать где будешь?

– На полу, – Астра иных вариантов не видела, но магу ответ не понравился.

– На полу холодно. И жестко. И вообще... – он задумался ненадолго. – Иди ко мне. В смысле, в комнату. Меня все равно вызывают. Я поэтому и пришел, сказать, что вызывают...

Сердце екнуло.

Отца тоже вызывали, незадолго до того, как... и он вернулся нарочито бодрый, сказал, что все глупости, просто... *интересовались*.

– Тише! – Святослав вскинул обе руки и вошел. – Это не то, что ты думаешь.

Конечно, не то.

Не может быть, чтобы...

Ее вдруг обняли, сжали так, что дышать стало невозможно, а потом вдруг страх исчез. Вместо него на Астру упало теплое покрывало чужих эмоций. Спокойствие. Уверенность.

Желание защитить.

Убаюкать.

И дыхание вернулось тоже.

– Таких, как я, мало... и таких, как ты, тоже немного...

...никогда не было много, но это не мешало ведь...

– И время сейчас другое... то закончилось. Ушло. Совсем.

Нет.

Это только дураки могут верить, что совсем. Изменилось – да, но не ушло. Остались люди со своими привычками, со страхом и подловатыми желаниями.

Мечь?

Отец не сделал ничего плохого. Он людям помогал, как и мама, только в клинике все открестились и весьма поспешно. Кто хочет иметь что-то общее с врагом народа?

А вот порадоваться, поздравить друг друга, что вредитель обезврежен, это да...

...и воспользоваться ситуацией.

Зависть.

Бабушка рассказывала о своей соседке из той, прежней, жизни, где тоже была коммунальная квартира, появившаяся после уплотнения. И о том, что работала Клавушка секретарем, только не просто, а секретарем у прокурора области.

Малая должность.

Тихая женщина.

С правом вносить в список имя... не часто, нет. Раз в месяц...

...говоря о ней, бабушка менялась в лице и замолкала. А в молчании ощущалась, как становится тяжелой, густой ее сила. Она рассказывала о том, какими вежливыми все были с Клавушкой, как вязали ей кофточки и угощали вареньями, как спешили освободить ванную и убирались в ее очередь, но все равно время от времени кто-то да исчезал.

Клавушку забрали в тридцать девятом. Пришли и... все.

...в квартире устроили праздник.

– Никто не рискнет воевать с магами разума. Со всеми. И с дивами. И с ведьмами. Это обыкновенная рабочая встреча. Мне нужно просто рассказать о том, что случилось в лаборатории. И просмотреть кое-какие документы, – он уговаривал ее, как ребенка, и Астре хотелось быть ребенком, тем, что не желает понимать взрослых слов и не слышит аргументов.

Хотелось взвыть.

Расплакаться.

Вцепиться еще сильнее, хотя она и без того вцепилась так, что ткань рубашки трещала.

– Я бы взял тебя с собой, но дети...

Дети спали.

И улыбались во сне. И были, кажется, всецело счастливы, как могут быть счастливы лишь дети, верящие, что огромный мир этот на самом-то деле добр.

– Я... попрошу присмотреть, – Астра сглотнула, до того спасительной показалась вдруг эта нелепая мысль. Что она изменит, если отправится вместе с ним?

Ничего.

И...

...надо бы забирать девочек и бежать. Не важно, куда.

– Так, – эта перемена в настроении от Святослава не укрылась. – Похоже и вправду лучше будет тебя взять, пока глупостей не натворила.

Разве это глупость, спасти себя?

Или...

– Я попрошу Ингвара, он за девочками присмотрит. Охранку поставлю, на всякий случай. А ты собирайся, только оденься потеплее, а то морозит.

Святослав сам разжал ее пальцы и, поднеся к губам, вдруг поцеловал.

– Все будет хорошо, дива.

– Я... знаю, – солгала она.

* * *

...Казимир Витольдович вряд ли обрадуется этакому сопровождению, но с другой стороны сам велел за дивой приглядывать, а приглядывать всяко удобнее, когда дива рядом. А то ведь и вправду станется сбежать куда. И сама погибнет, и детей погубит.

Именно в этом дело.

А не в нежелании Святослава расставаться с нею. Он бы и детей с собой прихватил, честно говоря, но те спали, Ингвар же, выслушав просьбу, кивнул.

Встал.

Потянулся.

– Там полежу, – сказал он Калерии, а та велела:

– Обернись только, теплее будет, – и чуть тише добавила. – И надежнее.

– А не испугаются? – в голосе Ингвара прозвучало сомнение.

– Розочка тебя видела. Да и... спят они крепко. Только если утром... – Калерия посмотрела выжидающе.

– До утра мы вернемся, – поспешил уверить Святослав.

Вернутся.

В самом-то деле.

Астра судорожно выдохнула и сильнее прежнего сжала его пальцы. А ведь еще немного и вправду сломает, хотя казалось бы...

Она надела новое пальто, и ботинки тоже. А Калерия принесла пуховой платок, набросила на плечи:

– Шерстяной, – сказала, не уточняя, чья именно шерсть на него пошла. – А то примораживать начало.

И дива в кои-то веки не стала спорить, но лишь перекинула длинные хвосты платка через шею, чтобы завязать на спине. Она была мрачна и сосредоточена, собрана, словно и вправду отправлялась если не на каторгу, то на войну. И Святослав не решился сказать что-либо, опасаясь нарушить то хрупкое равновесие разума, в котором дива пребывала.

Уже в коридоре они столкнулись с Антониной, какой-то растерянной, взбудораженной и выглядевшей иначе, нежели обычно. В другой раз Святослав всенепременно попытался бы понять, в чем именно случилась перемена и что послужило причиной ее.

В другой раз.

Неожиданно ледяной ветер куснул за щеки. И Святослав, повернувшись к диве, поправил платок.

– Ртом не дыши, – сказал он. – Не хватало, чтобы ты простыла.

– Дивы не болеют.

– Может, дивы и не болеют, а мне не хватало, чтобы ты простыла.

Она фыркнула.

А и в самом деле, если простынет, что с нею делать-то?

– Далеко? – спросила Астра, глянув отчего-то на небо. Луна висела круглая, самая что ни на есть ведьминская, с блеклым щербатым краем.

– Да нет. Сейчас машина подойти должна.

Машина была.

Пусть и не генеральская, но тоже неплохо. Салон успел нагреться, пахло внутри кожей, табаком и одеколоном «Хвойный», причем последним – особенно сильно.

– Снег будет, – нейтрально произнес водитель. Если ему и было любопытно, то виду он не подал. – Рано в этом году...

– Рано, – согласился Святослав.

И больше до самой конторы не было произнесено ни слова.

Особое отделение комиссариата внутренних дел располагалось на окраине города, на той, что почти-то и не пострадала от бомбежек, сохранивши не только дома, но и старые липы. Высоченные, разлапистые деревья в упрямстве своем еще держали листву, и примороженная, покрытая белесым налетом изморози, та серебрилась в лунном свете.

Контора занимала старый особняк, построенный непривычно, уголком. Окна его выходили на дорогу, что с одной, что с другой стороны, и в перекрестье этих самых дорог поднимался к небесам обгорелый столб, который давно следовало бы выкопать, но то ли руки не доходили, то ли по иной какой причине, однако столб не трогали. За прошедшие годы гарь успела смыться, слезла потеками, а сам столб слегка накренился. Он был стар, как и особняк, и ограда, отделявшая место это от людского жилья. Во внутреннем дворе, на месте конюшен появились гаражи, жизнь в которых кипела и ночью.

Кто-то спорил.

Ругался.

Пахло керосином и соляжкой, и вовсе железом. Что-то гремело и позвякивало.

Астра стояла, вцепившись в руку, озираясь, готовая немедля отступить. И возникло желание позволить ей уйти, отправить домой с водителем, благо, машину пока не сдал.

– Нам туда, – Святослав указал на здание, которое в сумерках гляделось вполне себе зловещим. Темные окна, темные стены.

– Вниз?

– Наверх.

Она кивнула.

– Внизу подвалы есть, это да.

Астра глянула искоса.

– И я знаю, что про эти подвалы говорят.

Во взгляде появилась нервная настороженность.

– Про все подвалы... в таких домах говорят. Даже когда подвалов нет. И да, порой говорят правду.

Ноздри ее дрогнули.

– Я не знаю, что было здесь... и было ли.

...ложь.

Было.

Наверняка.

И есть архивы. Есть списки. Постановления. И отчеты. Приговор приведен... перечень конфискованного имущества, как в том городке, в котором Святославу пришлось задержаться. Ценное вывезли, а кому нужна старая обувь или вот веревки? Мешки, ремни... все это хранилось, и местные старались к кладовке не подходить лишний раз.

Тянуло оттуда.

Да.

Затем его и позвали, чтобы проверил, тянет оно и вправду или лишь мерещится.

...из полугнилой рухляди разложили после костер, но то ли отсырела она, то ли по какой иной причине, но куча долго не занималась, чем породила новую волну слухов.

Проклятье.

– Прошлого не изменить, – Святослав сказал это не диве, которая ничего не спрашивала. Себе. – А сейчас... сейчас никого не расстреливают только на основании доносов.

– А на каком расстреливают? – она вцепилась в оговорку. – Ты... расстреливал?

– И приговаривал.

Врать дивам бесполезно. Но хотелось.

Отчаянно хотелось.

Только ложь все бы испортила.

Со внутреннего двора дорожка уводила под навес, тут же и дверь имела, современная, поставленная, может, всего пару лет как. А снег пошел, белый, легкий, такую крупой, что кружится и тает, не долетая до земли.

– В сорок шестом... меня отправляли расследовать, когда... имелись сомнения, – сейчас Святослав, пожалуй, закурил бы. – Мне и на войне случалось... убивать тоже. И допрашивать. И порой выламывать... как-то попался асверский офицер. Удача. Только говорить он не хотел... потом уже хотел, но ему не поверили. Пришлось... давить.

Святослава перекорежило от тех воспоминаний, и вяло подумалось, что в разуме его скопилось изрядное количество дряни, которая рано или поздно, но сведет его с ума.

За дело.

– Но война – это другое. Там все... не знаю, понятнее, что ли? А тут... сорок шестой... уже не война. И люди домой возвращаются. Ищут... многие потерялись. Ковен... то, что от него осталось, тогда обязал помогать в поисках. Но большей частью ведьмы только и могли, что сказать, живой человек или нет, или вот приблизительно направление дать... да и мало их. Вот.

Слушает.

Молчит.

Смотрит не на Святослава, но на снег, который танцует, завораживая этим вот танцем. И хочется как когда-то набрать полные горсти его, вытереть лицо, чтобы до боли, дочиста, сдирая колючей коркой наста шкуру. Только так наступало облегчение, хотя и недолгое.

– Я тоже помогал. Все помогали. Вот... но это ведьмы. А я... в тылу тоже многое происходило. Подвиги случались. И наоборот... меня послали по запросу... письмо... подполковник Анищенко вернулся и обнаружил, что семью его эвакуировали в тыл. Но жена погибла, а дети попали в детский дом... и умерли там. Трое.

Он протянул ладонь, зная, что снега не наберет.

– Он съездил... ознакомился, так сказать... и составил доклад, что дело не в тяжелых условиях, что... условия неплохие как раз-то, но смертность высокая. Особенно среди одаренных. Его были одаренными. Меня отправили проверить.

– И ты проверил? – ее голос нарочито спокоен.

Холоден.

А ведь получается, что теперь ее очередь судить. И вряд ли стоит ждать беспристрастности. Вот же... странное ощущение, когда сам не знаешь, есть ли за тобой вина.

– Проверил. Сложно... отправили комиссию. И меня при ней. Водителем... так часто делают. Такие как я пугают людей, заставляют закрываться... любой в той или иной степени способен закрыться. Да, я взломаю, что обычного человека, что мага. И амулеты не помогут. Большая их часть. Но зачем? Я предпочитаю смотреть со стороны.

– Как сейчас?

– Сейчас я уже далеко не со стороны, – снежинка все-таки коснулась ладони, осторожно, так, что Святослав почти и не ощутил этого вот прикосновения. – Сейчас я... внутри. А тогда... внешне все было красиво. Их эвакуировали глубоко в тыл. Даже бомбы не долетали. Поставили на обеспечение. Снабжали по документам неплохо. А что дети болели, так везде болеют. Докторов не было, да что там докторов, там и ведьмы более-менее толковой не было... пропала на местных болотах.

– Ее убили?

– Да.

– Чтобы молчала? – уточнила дива.

– Да. Не о том, что детей обкрадывают. То есть, не только о том... красть там особо нечего было, пусть обеспечение и полагалось, но на самом деле весьма скудное. Почти все уходило на фронт, а что оставалось, то получали рабочие. Рабочие нужны были фронту.

– А дети?

– А дети... дети пытались прокормить себя сами. Он потом говорил, что продавал немногих, чтобы спасти остальных.

– Продавал? – в темноте не видно, какого цвета глаза дивы, оттого и кажутся они черными, что уголь.

Святослав кивнул.

– Ведьмины камни. Слышала когда-нибудь?

Астра кивнула.

– Бабушка говорила. Это когда у ведьмы забирают силу.

– И жизнь. Не столько забирают, сколько вымучивают. Долго. Тяжело. А силу запечатывают в камнях. Асверы хорошо платили... и пусть тыл глубокий, но находились люди, которые готовы были выступить посредниками. Кто ближе к линии фронта, тот мог живым товаром расплатиться. На оккупированных и вовсе... за сокрытие одаренных смерть полагалась, вот многие и... спешили спастись. Не мне их судить.

К счастью.

– Эти же работали за деньги. Начали еще в тридцать девятом, директор аккурат при границе жил, вот и... потом война. У него вышло уехать. Сперва уверен был, что война долго не продлится, асверы сильны и оружие у них... новое.

Дернулась шея.

– Не он один так думал, – тихо произнесла дива.

– Не он один, – Святослав согласился. – Но думать одно, а убивать детей, чтобы лучше устроиться в новом мире, совсем другое... он и с детьми работать вызвался. И дом обустроивал. И... все-то вокруг уверены были, что человек этот – чудеснейшей души... да... к слову, еду там и не воровали. Зачем ему внимание привлекать? Напротив, он для своих подопечных старался. Особенно когда стало понятно, что нового мира не будет, да и от старого не так просто уйти. Он говорил, что ценой нескольких жизней спас остальных, тех, кто умер бы от голода, что... он деньги тратил не на себя, но на детей. Покупал еду, лекарства... и вправду среди простых детей смертность там была на удивление низкой.

Снег прекратился.

Вот ведь.

– Его не судили открыто. У меня было право... именем своим... выписать приговор.

– И ты?

– Я побоялся, что если будет суд, то многие и вправду решат, что оно того стоило. Что цена вполне... подходящая, – это удалось выговорить с трудом. – Только...

– Только?

– Я ведь маг разума, – он протянул руку и Астра осторожно, будто не до конца решив, стоит ли прикасаться к такому, положила на нее свою ладонь. – Я видел, что им на самом деле двигало.

...и ощущение это, душная смесь страха и надежды, что все-таки получится оправдаться, до сих пор в горле комом стояла.

– И ты его убил?

– Да. Я... не имел права заставлять других, – это получилось сказать, глядя в глаза. И теперь было ясно, что цвет их зеленый, яркий, как молодая листва. Впрочем, какие еще глаза могут быть у дивы?

– Остальные не поняли?

– Я предоставил материалы дела, но... да. Не поняли. Все это слишком не увязывалось. Тот человек... он выглядел милым. И был добр к людям. Он и деревенским помогал, и брал к себе их детишек. И вообще... в деревнях к одаренным до сих пор относятся с немалым подозрением, тем более если ведьма. Вот и...

– Скольких он?

– Сам? Двадцать девять. Большею частью ведьмы, пара двупостасных, хотя это скорее исключение, щенки редко оказываются без присмотра. Магов несколько. Был еще список. Он молчал, когда шло дознание, – Святослав осторожно сжал пальцы, а дива не шелохнулась. – До войны, перед самым ее началом, он ведь работал в ЗАГСе, имел доступ к регистрационным данным, к тестам на соответствие... и выписывал. Имя. Адрес. Потенциальный уровень. Взрослых тоже, но большей частью его интересовали именно дети. Список этот он продал, но... был ли он использован?

И скольким из тех, в списке упомянутых, удалось уцелеть.

– Так что да, я приговорил человека, считай, единолично, поскольку те двое других просто поставили подпись. Пытались, правда, отговаривать.

– Почему? Они не знали?

Сложный вопрос.

– Знали. Они обязаны были прочесть дело. Но... тоже считали, что вина не так и велика, что спас он многих, а это смягчающее обстоятельство.

– А ты?

И вновь этот взгляд, от которого невозможно укрыться. И кажется, Святослав понимает, как чувствуют себя люди, когда он на них смотрит.

– Он убил двадцать девять детей. О каких смягчающих обстоятельствах может идти речь?

Только все равно тошно.

И дива молчит.

Смотрит и молчит. Думает? О чем? О том, насколько он, Святослав, замарался? Да по самую макушку. И на войне, и после. И кажется, ведьма не поможет. Ведьмы на многое способны, но с собственной совестью придется договариваться самому.

– Идем, – сказала Астра. – Уже поздно.

Глава 10

Эвелина вертела кольцо на пальце.

Есть не хотелось. А из окна сквозило. Из этого треклятого окна постоянно сквозило, с самого начала. Она помнила, как закладывала его ватой, а бабушка перед новым годом посыпала вату осколками елочных игрушек, для блеска. А Эвелина загадывала желание.

И когда куранты били, тоже.

И желания-то были разными... сбывались ли? Странно, что она не помнит.

Она закуталась в старую шубу, с головой, вдохнула едва ощутимый аромат духов. Бабушкины любимые... и во флаконе почти не осталось. И бабушке Матвей понравился бы. Она бы сказала, что он надежный.

Заботливый.

И... кольцо сидело плотно, но не сдавливало палец.

А если... если она согласилась зря? И вовсе не потому, что в любой момент его с должности снять могут, это не страшно, даже если сошлют куда, тоже не страшно. Страшно, что она, Эвелина, влюбится.

Не в него.

В кого-нибудь другого, кто просто возьмет и появится случайно в ее жизни. И, влюбившись, потеряет разум. Как бабушка, как мать... проклятье.

Она закрыла глаза.

Имеет ли она право...

– Эвелинка! – в дверь грохнули, и тонкая филенка от удара задрожала. – Открывай, паскудина! Я знаю, что ты дома.

Страха Эвелина не ощутила.

А вот из теплого мехового кокона вылезать совершенно не хотелось. Только ведь не уйдет. Пьяный он или притворяющийся пьяным, но роль свою отец до конца доиграет.

– Открывай!

Рев его прокатился по квартире. А ведь время давно за полночь. И дети спят. И вообще как он в квартиру попал.

– Ты чего орешь? – спросила она, дверь открыв. Шубу скидывать не стала, закуталась в нее поплотнее, вяло подумав, что, коль папаша решит бить, то в мехах всяко мягче.

– А... д-доченька... – он стоял, вцепившись в косяк, покачиваясь, только вот взгляд был совершенно трезвый.

– Эвелина? – из соседней комнаты выглянула Калерия. – Помощь нужна?

– Иди ты... – ответил папочка весьма нецензурно.

– Пока нет, но... возможно понадобится.

Эвелина посторонилась и тихо сказала:

– Прекращай этот цирк. Смотреть тошно.

– Отчего же?

– Переигрываешь.

В комнате отец огляделся. Осклабился.

– Так и знал, что старая карга многое прикопала... ишь ты, – он ткнул пальцем в зеркало. – Старое?

– Чего тебе надо?

– Подумала?

– Да.

– И что решила?

– Что я тебя знать не знаю и знать не хочу.

– Смелая, да? – он прищурился, оглядев Эвелину тем неприятным сальным взглядом, который заставил покрепче вцепиться в шубу. – Забыла, кто в доме хозяин?

– Хозяин? Скорее паразит, – Эвелина облизала сухие губы.

Она не будет бояться.

Не будет.

Отец засмеялся.

– Вот как заговорила, да? Это все старуха виновата. Внушила тебе ненависть к родному отцу... ай, как нехорошо... а я ведь и обидеться могу. Что тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.